

ОСКОЛЬСКИЙ КРАЙ

Исследовательская лаборатория проблем культуры Оскольского края

НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ

7, 2017

УДК 908
ББК 63.3(2Рос=Бел)

О-74

Редакционная коллегия:
З.З. Мухина (ответственный редактор),
С.В. Канныкин (зам. отв. редактора),
Л.Н. Пивоварова, Е.А. Пушкаренко

Издание выполнено в Исследовательской лаборатории проблем культуры
Оскольского края при кафедре гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС»

О-74 **Оскольский край: Научный альманах. Вып. 7. – Старый Оскол:**
Изд-во РОСА, 2017. – 72 с.

ISBN 978-5-9500932-2-7

В сборнике представлены материалы, связанные с историей и культурой
Оскольского края. Альманах будет полезен школьникам, студентам,
научным работникам, а также всем, кому интересна история Старого
Оскола и Старооскольского городского округа.

УДК 908
ББК 28.89

ISBN 978-5-9500932-2-7

© СТИ НИТУ «МИСиС», 2017
© Авторы, текст, 2017
© Издательство РОСА, оформление, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	4
----------------------	---

СТАТЬИ

<i>Андрусенко Е.А.</i> Из истории русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря	5
<i>Богатов Е.М.</i> Памяти старооскольца Владимира Ивановича Соболева	9
<i>Гончарова А.Н., Мухина З.З., Пивоварова Л.Н.</i> Понева как элемент традиционной русской женской одежды села Роговатое	13
<i>Емельянова М.И., Чуриков В.Г.</i> Гражданский подвиг педагога Ф.Д. Павлова	21
<i>Пушкаренко Е.А.</i> Образ женщины в советской и немецкой пропаганде в период Великой Отечественной войны	30
<i>Рубежанская А.А.</i> Годонимы исторического центра города Старого Оскола	33
<i>Юдин В.В.</i> Архивные материалы органов власти Роговатовской волости (1917–1918 гг.)	39

ДОКУМЕНТЫ

Текст документов из фонда местных учреждений Российского государственного архива древних актов о смене воеводского правления в Старом Осколе. Начало XVIII в. Подготовили <i>Никулов А.П., Пивоварова Л.Н.</i>	49
--	----

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

<i>Брыжик Т.Г.</i> Мария Ивановна	52
<i>Евсюков Е.Н.</i> Спешу на свет непреходящий (О творчестве Владимира Михалева)	56
<i>Есипова И.Х.</i> Маленькие дети большой войны	59
<i>Пивоварова Л.Н.</i> Фронтовые дороги старооскольского эвакуационного госпиталя № 1926 (из воспоминаний медицинского персонала и жителей Бокситогорска)	62

ЮБИЛЕИ

Анатолию Павловичу Никулову – 70 лет	66
Марии Ивановне Емельяновой – 80 лет	68

ИНФОРМАЦИЯ

Сведения об авторах	70
Правила приема материалов для публикации в научном альманахе «Оскольский край»	71

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альманах «Оскольский край» во многом уникален: это первое в Старом Осколе научное периодическое издание, посвященное исследованию проблем истории и культуры Оскольского края. История заселения края, формирования его населения и культуры представляет неотъемлемую часть истории русского народа.

Страницы альманаха объединили историков, этнографов, культурологов, философов и социологов, предметом научного интереса которых является изучение культуры в ее региональных аспектах. Помимо междисциплинарного синтеза знаний, осуществляемого в рамках ведущих тенденций современной постнеклассической науки, альманах является свидетельством синергичных усилий неравнодушных к судьбе своей малой родины представителей самых различных организаций города, среди которых отметим служащих администрации г. Старого Оскола и Старооскольского района, управления образования города, местного краеведческого музея и, конечно, преподавателей разных вузов города и региона, в частности кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС». В 2007 г. при кафедре гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС» была создана Исследовательская лаборатория проблем культуры Оскольского края. Сотрудниками лаборатории ведутся историко-краеведческие исследования, результаты которых публикуются на страницах альманаха.

Целью научного издания является интеграция усилий краеведов Белгородчины по осмыслению особенностей историко-культурного развития края, причем развитие это исследуется во всем многообразии его аспектов (социальных, философских, педагогических, этнических, религиозных и т.п.). Немаловажной особенностью альманаха является и публикация на его страницах редких архивных документов, связанных с историей Оскольского края. Отметим, что все эти документы впервые становятся доступными широкому читателю.

Мы надеемся на дальнейшее сотрудничество со всеми заинтересованными лицами. Пока еще остаются в стороне вопросы развития традиционных народных промыслов, музыкальной и художественной культуры, литературы, фольклора и др. Редколлегия альманаха обязуется самым доброжелательным образом рассмотреть все поступающие материалы, непременно опубликовать актуальные и обладающие научной новизной работы, а также оказать всю возможную помощь по «доведению» представленных исследований до уровня, позволяющего представить им страницы «Оскольского края».

Е.А. Андрусенко

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО НА АФОНЕ СВЯТО-ПАНТЕЛЕИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

В 2016 году в нашей стране широко отмечается 1000-летие русского присутствия на Святой горе Афон. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на встрече с членами Комиссии по подготовке празднования этой знаменательной даты сказал: «Связи между Русью и Афоном начались сразу после крещения Руси в 988 году и продолжались на протяжении веков. Об этом свидетельствуют святыни, привезенные на Русь нашими благочестивыми предками и афонскими монахами, а также множество сокровищ из России, которые были пожертвованы на Святую гору. Россия всегда выступала защитницей православия на Востоке, и это во многом обеспечивало безопасность Святой горы Афон. А Святая гора во многом обеспечивала духовную безопасность России – в первую очередь, своим влиянием на русское монашество» [1].

В системе административных районов Греции Автономное монашеское государство Святой горы является крупнейшим в мире сосредоточием православного монашества и объектом всемирного наследия ЮНЕСКО.

Среди монастырей, скитов, келейных обителей особое место занимает Свято-Пантелеимонов монастырь. Монастырь известен как Россикон или Новый Руссик – один из 20 «правящих» монастырей на Святой горе Афон. Традиционно монастырь считается русским, хотя по составу насельников русским он стал в последней четверти XIX века. Это был настоящий расцвет Свято-Пантелеимонова монастыря, пользовавшегося в это время покровительством русской императорской семьи.

Древнейший монастырь святого великомученика Пантелеимона, основанный в

середине XI века и заселенный русскими монахами в XII веке, имеет славную историю, полную периодов расцвета и упадков, духовных подвигов и человеческих помыслов. Свой след в истории монастыря оставили и наши земляки – выходцы из Курской губернии, в том числе и старооскольцы.

В 2013 году по благословению игумена Свято-Пантелеимонова монастыря священно-архимандрита Иеремии был издан «Монахологий», который является справочником и библиографическим словарем, составленным на базе монастырского архива. Это, безусловно, ценный источник для исследований.

Согласно «Монахологии» Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, в период с 1801 по 2012 годы в обители трудилось всего 4612 человек (включая принадлежавшие монастырю Новоафонский Симоно-Кананитский монастырь и скит Новая Фиваида). 16 из них были канонизированы в разное время. Хотя огромное братство монастыря было традиционно многонациональным (русские, украинцы, греки, молдаване, болгары, грузины, сербы, румыны), большинство насельников обители за указанный период были русские – 3384 человека.

По социальному происхождению (до 1917 года) братство было довольно разнообразным: крестьяне – 3236 человек, мещане – 482 человека, военные – 85 человек, купцы – 80 человек, дворяне – 37 человек.

Из общего числа насельников Русского Свято-Пантелеимонова монастыря в обители завершили свой жизненный путь 2778 человек. Остальные или вернулись в Россию, или перешли на жительство в другие монастыри, или совсем оставили монашество.

География мест, из которых происходили иноки, отличается широтой и разнообразием. В Русский Свято-Пантелеимонов монастырь поступали жители почти всех губерний России. Среди губерний выделялись Курская (369 человек), Подольская (340 человек), Воронежская (259 человек).

Из городов Российской империи по численности потока монахов в Свято-Пантелеимонов монастырь особо выделялись города

Москва (44 человека), Старый Оскол (41 человек), Острогожск (23 человека).

Из российских сел выделялись два: село Таркановка (51 человек) Ольгопольского уезда Подольской губернии и слобода Великомихайловка Новооскольского уезда Курской губернии (40 человек подвизались в разных обителях Афона) [2, с. 4–8].

А если посмотреть соотношение жителей города и число прибывших на Афон, то Старый Оскол был абсолютным рекордсменом среди городов, пославших своих представителей в обитель. В Старом Осколе в 1861 году проживало 7 356 человек. [3]. В Москве в этот период (1863 год) проживало более 462 500 человек. [4].

Большинство старооскольцев стали сельниками Свято-Пантелеимонова монастыря в период с 1840 по 1886 годы. Из числа наших земляков, принявших монашеский постриг, 12 человек были из купеческого сословья, 13 – мещан, 13 – крестьян, 1 – военный, 1 – духовного сана, 1 – служащий (губернский секретарь) [2, с. 815].

Что же побуждало многих старооскольцев обращаться к святым местам? Православные традиции в Старом Осколе в середине XIX века способствовали поддержанию духовности у многих верующих. В своей автобиографии иеросхимонах Иероним писал о старооскольцах: «Надобно сказать, к чести моих сограждан, что в мое время они любили посещать святыя храмы, особенно в воскресные дни и праздники – полны народа все церкви (которых в то время было семь). Как я помню, от 1810 до 1830 года нравственное настроение моих сограждан было очень религиозное, благочестивое. Раскольников и сектантов вовсе никого не было в городе» [5, с. 19].

В городе и слободах в начале XX века находилось 11 православных храмов. Главным храмом города был Богоявленский собор. Находился он в центре города на Нижней площади. Собор был возведен на месте старой деревянной церкви, построенной еще в 1593 году. Каждый храм имел церковно-приходскую школу. Епархия утверждала училищный совет, который наблюдал за деятельностью школ, откры-

тых при храмах. Существовало в городе и среднее специальное учебное учреждение – духовное училище, образованное в первой четверти XIX века. Характерной чертой горожан была забота о своих храмах: люди зажиточные и не очень не жалели средств на строительство, благоустройство и содержание храмов.

В Старом Осколе в XIX веке были распространены паломнические поездки по святым местам, в том числе и на Святую гору. Так, первый русский игумен Свято-Пантелеимонова монастыря отец Макарий (в миру Михаил Иванович Сушкин) вспоминал, что, будучи купеческого рода, он однажды по торговым делам отправился в Старый Оскол и здесь встретил компанию купеческих сыновей, собиравшихся совершить паломническую поездку на Афон для поклонения святыням. Михаил Иванович упросил родителей разрешить и ему участвовать в поездке. Как оказалось, Михаил Иванович навсегда оставил родительский дом [6, с. 79].

По-разному сложилась судьба оскольчан, принявших иноческих постриг, разное служение и послушание несли они в монастыре на Святой горе.

Иеросхимонах Венедикт (в миру Василий Лукич Коренев, купец) поступил в Свято-Пантелеимонов монастырь, был пострижен в схиму в возрасте 39 лет. На свои сбережения он устроил богатый иконостас для соборного Пантелеимонова храма. Не прерывал связи с родным городом и вел переписку со своими близкими из Старого Оскола. Преставился в возрасте 58 лет.

О иеромонахе Анатолии (в миру Александре Дмитриевиче Дурневе, купеческом сыне) сохранилась в монастырских документах такая запись: «Он большой постник, прост как дитя и ко всем любезен. Он прекрасный чтец, певец, писарь и часто служит литургию». Умер в 1888 году от чихотки [2, с. 27].

Иеросхимонах Флавиан (в миру Василий Дорофеевич Гонский, мещанин) нес послушание в фотомастерской. Схимонах Иоанникий (в миру Иван Алексеевич Никитин, мещанин) нес послушание на монастырской кухне. Схимонах Галактион (в миру Гри-

горий Степанович Заболотный-Чумаков, крестьянин из Старого Оскола) жил в уединении, держал пасеку до 100 ульев, обеспечивая медом всю монастырскую братию.

Иеросхимонах Макарий (в миру Максим Ермилович Семькин, купец) прибыл на Афон в 1838 году, но несколько лет не послушание в России. По его ходатайству устроена на Крумичной пристани гостиница с церковью св. Петра (митрополита Московского) и св. Тихона (епископа Задонского).

Совершенно особое место в истории монастыря занимает староосколец, прославившийся как ктитор — возобновитель и строитель Пантелеимонова монастыря, как известный многими благодатными дарованиями прозорливый старец-духовник иеросхимонах Иероним.

Иеросхимонах Иероним (в миру Иван Павлович Соломенцев) родился в Старом Осколе в 1806 году в купеческой семье. Крещен был в Казанско-Николаевской церкви. С раннего детства прислуживал за богослужениями в храме, пел на клиросе. Духовные дарования его проявились очень рано, так что его даже называли юношей-старцем. Оставив родительский дом в двадцатипятилетнем возрасте и пожив несколько лет в российских монастырях, он отправился в далекий путь, привлеченный рассказами об особо благодатном и святом месте — Афонской Горе.

На Афон он прибыл в 1836 году в числе первых русских паломников, попавших на Святую гору после столетнего перерыва, связанного с постоянными русско-турецкими войнами. Здесь он обрел то, о чем мечтал с раннего детства. Вскоре Иван Павлович был пострижен в мантию с именем Иоанникий. По благословию своего старца, известного афонского духовника иеросхимонаха Арсения, ему вскоре пришлось переселиться в монастырь святого Пантелеимона.

В начале XIX века монастырь испытывал такой упадок, что святогорское монашеское соборное управление хотело продать его за долги. Маленькое греческое братство, среди которого не было ни одного русского монаха, во главе с пожилым игуменом Герасимом терпело бедствия, голод, насмешки от

афонцев за то, что несколько лет подряд не могли отпраздновать свой главный праздник — день памяти святого великомученика Пантелеимона.

После многочисленных просьб пантелеимоновских греков о помощи в восстановлении монастыря Иоанникий был рукоположен во священный сан, пострижен в великую схиму с именем Иероним и назначен духовником обители.

После кончины в 1846 году общего духовника русских на Афоне старца иеросхимонаха Арсения отец Иероним стал преемником его по духовному влиянию на Святой горе между русскими, и не только между ними, но даже среди греков, болгар, сербов. Отец Иероним не искал этого влияния, это было естественным плодом его подвижнической жизни, сердечного участия ко всякому нуждающемуся.

Почти полвека прожил он в Русике в неустанных трудах. Иеросхимонах Иероним, став первым помощником грека-игумена, так мудро повел монастырские дела, что постепенно нашел средства выплатить огромные долги обители, полностью восстановить и отстроить ее жилые и хозяйственные корпуса, благоукрасить храмы. Насельников в монастыре становилось все больше и больше, а в конце жизни отца Иеронима в обители собралось до 1000 человек.

Ближайшим учеником и последователем старца стал первый русский игумен монастыря схиархимандрит Макарий (Сушкин) (игуменом стал в 1875 году). Никогда ранее и никогда позднее Свято-Пантелеимонов монастырь не достигал такого великолепия и расцвета, как во время деятельности игумена Макария и духовника Иеронима.

Профессор Киевской духовной академии Алексей Афанасьевич Дмитриевский, издавший в 1895 году книгу о русских на Афоне, писал: «Вся деятельность отца Макария прошла под сильным влиянием отца Иеронима, который был советником и руководителем игумена. Деятельность эта так сливается с деятельностью отца Иеронима, что трудно указать, что принадлежит одному и где начинается деятельность другого. Эти две великие личности афонского иночества, совершенно несходные по характеру, в жизни и деятельности были так единокорны и согласны, как

бы у них была одна душа и одно сердце...» [5, тс. 7].

Господь дал отцу Иерониму долгую, плодотворную жизнь на благо русской обители, всего афонского иночества и многих православных за пределами Святой горы. Нужно сказать, что всю свою жизнь отец Иероним поддерживал связь со Старым Осколом. Со многими земляками он вел переписку. Бесценным даром стал переданный в Казанско-Николаевскую церковь ковчег с частицей мощей Св. великомученика и целителя Пантелеймона и частицей Св. Животворящего Древа креста Господня (святыня была утрачена после закрытия храма) [7, с. 13]. Великий старец преставился в 1885 году. В одном из последних писем на родину он напутствовал: «Ищите смиренномудрия, повергайте всегда пред Господом немощь свою — и не будете оставлены. По человеческому суждению трудно сообразить, как могут устраниться неотразимые препятствия, но судьбы Господни неведомыми нам путями руководят нас к пути спасенному, лишь бы мы несомнительно предавались Его водительству» [5, с. 824].

Старец Иероним является один из самых почитаемых в обители русских святогорских подвижников и наставников. Память о нем бережно и благоговейно передается здесь от поколения к поколению.

Твердыней православия, оплотом православной веры называют Афон, и это не преувеличение. Богатства Святой горы — это богатство духа и святынь, древних храмов

и книгохранилищ, чистых сердцем и помыслами праведников, старцев и схимников, отшельников и тружеников, среди которых были и наши соотечественники и земляки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Журнал № 45/ Журналы заседания Священного Синода. — Интернет-ресурс: <http://www.patriarchia.ru>.
2. Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Ред. иеромонах Макарий — Св. Гора Афон: РПМА. М.: «Голос-Пресс», 2013.
3. Статистические сведения по Старооскольскому уезду, 1887. Архив СОКМ А—III/4.
4. Население Москвы. — Интернет-ресурс: <https://ru.wikipedia>.
5. Великая стража. Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария. Книга первая. Иеромонах Иероним, старец-духовник Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Автор-составитель иеромонах Иоаким (Сабельников). М.: РПЦ, Издательство Московской Патриархии, 2001.
6. История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря / Сост. иеромонах Феодосий // Альманах «К Свету». Вып. 18. М., 2000.
7. Токмаков И. Историко-статистический археологический очерк города Старого Оскола с уездом Курской губернии. Книга составлена автором к 300-летию города. М.: «Русская» Типо-литография, ул. Тверская, д. Спиридонова, 1894.

Е.М. Богатов

**ПАМЯТИ СТАРООСКОЛЬЦА
ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА
СОБОЛЕВА**

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 17-03-00383.

Недавно исполнилось 100 лет со дня рождения известного отечественного математика, профессора Владимира Ивановича Соболева.

В.И. Соболев

В.И. Соболев родился 21 июля 1913 года в городе Старом Осколе Курской губернии. В то время Старый Оскол был небольшим уездным городком, общее число жителей которого вместе с пригородами не превышало 16,5 тысяч человек [1, с. 472].

Отец Владимира, Иван Прокофьевич Соболев, до революции работал преподавателем в семиклассном реальном училище, которое впоследствии, после прихода советской власти, было преобразовано в школу им. Ушинского.

Старооскольский уезд в то время занимал ведущее положение в Курской губернии в

области народного просвещения, и эта ситуация сохранилась и после 1917 года. Городской отдел народного образования с установлением новой власти принял программу развития школьного образования, в которой определялись школы трех ступеней (в чем-то аналогичные сегодняшним базовым школам, школам с углубленным изучением отдельных предметов и лицеям), а также устанавливался более высокий социальный статус учителя (помимо жалования ему полагалась частная квартира с электрическим освещением). Школы второй ступени должны были давать своим ученикам знания, связанные с практическим опытом¹ [1, с. 511]. Такую школу окончил В.И. Соболев в 1931 году.

В 1931 году Соболев приехал в Воронеж и подал заявление на физическое отделение физико-математического факультета Воронежского государственного университета (ВГУ), но не прошел по конкурсу (подвело не рабоче-крестьянское происхождение). А вот стать студентом механико-математического отделения это обстоятельство не помешало. Учиться на этом отделении было непросто: окончить университет в 1936 году удалось лишь восьми студентам.

Начиная с 1932 г., состав преподавателей-математиков начал пополняться выпускниками аспирантуры МГУ, среди которых оказался М.М. Гринблум. В те годы сформировалась новая область математики, соединившая в себе геометрию и анализ, — функциональный анализ. Условной датой ее рождения можно считать появление монографии крупнейшего польского математика С. Банаха «Теория линейных операций» [2]. Когда в 1934 году эта книга появилась у М.М. Гринблума, он организовал семинар для студентов старших курсов по ее изучению. Монография была на французском языке и несколько студентов, в том числе и В.И. Соболев, сделали почти полный ее перевод на русский язык [3].

Это было время бурного развития науки в нашей стране. Многие известные ученые из московского, ленинградского, харьковского и других университетов стали ездить с лекциями в другие города с целью ознакомления научной молодежи с последними

¹ В математическом плане это соответствовало умению решать задачи ОГЭ из модуля «Реальная математика».

достижениями науки и новыми ее направлениями. Не был исключением и Воронеж.

По инициативе М.М. Гринблума на физико-математический факультет ВГУ был приглашен молодой, но уже получивший международное признание профессор Московского университета Л. А. Люстерник. Весной 1935 года он прочитал в ВГУ первый в СССР систематический курс лекций по функциональному анализу, который потом повторил весной 1936 года. В том же году в СССР был основан новый журнал «Успехи математических наук», получивший широкую международную известность, в котором и был опубликован (в кратком виде) указанный курс.

Отметим, что именно под влиянием М.М. Гринблума и Л.А. Люстерника В.И. Соболев избрал функциональный анализ областью своих научных интересов. После окончания университета В.И. Соболев в течение 1936/37 учебного года работал ассистентом кафедры математического анализа ВГУ. Осенью 1937 года он поступил в аспирантуру Института математики при МГУ к Л.А. Люстернику. Начавшиеся в те годы массовые репрессии советских граждан не обошли и семью Соболевых – в 1937 году был арестован и осужден как враг народа И.П. Соболев. Он был приговорен к ссылке, где и скончался в 1945 году¹.

В московской математической жизни также не обошлось без «чистки рядов». В 1936 году было сфабриковано «дело академика Н.Н. Лузина», одного из основателей Московской математической школы (ее называли «Лузитанией»), из которой вышли десятки математиков с мировым именем. Против Лузина была развернута травля в прессе, где он был назван «врагом в советской маске» [5, с. 5-8], однако до судебного преследования дело, к счастью, не дошло. Тем не менее, Н.Н. Лузин потерял работу, клеймо врага сильно осложнило его жизнь и негативно сказалось на его учениках.

Несмотря на воцарившуюся в стране атмосферу доносов и страха, в отношении аспиранта В.И. Соболева со стороны руководства НИИ никаких «оргвыводов» не последовало.

Обучаясь в аспирантуре, В.И. Соболев общался с крупнейшим математиком XX века А.Н. Колмогоровым, членом 11 иностран-

ных академий наук, одним из основоположников теории вероятностей, получившим фундаментальные результаты почти во всех областях современной математики (геометрии, математической логике, теории приближения функций, теории множеств, теории дифференциальных уравнений, теории динамических систем, функциональном анализе и т.д.). В.И. Соболев посещал семинары замечательных ученых – П.К. Рашевского, А.И. Плеснера и др., но главным его учителем был, конечно, Л.А. Люстерник.

После окончания аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации в 1940 году В.И. Соболев был направлен в Томский университет, где несколько позже в эвакуации оказался целый ряд известных московских и ленинградских математиков. Решая в это непростое время в основном прикладные задачи, связанные с авиацией, артиллерией и др., они не оставляли своих исследований по фундаментальным математическим вопросам. Возникший у В.И. Соболева в Томске под влиянием эвакуированных коллег интерес к проблемам теории полуупорядоченных пространств привел его позднее к защите докторской диссертации по этой теме [6].

После освобождения Воронежа от оккупации по просьбе ВГУ Наркомпрос направил В.И. Соболева в Воронежский университет. Из Томска, где у Соболевых имелась благоустроенная квартира, Соболевы попали в почти полностью разрушенный город, в котором большинство жителей ютились в подвалах сгоревших домов. Соболевых поселили в жилище, которое трудно было назвать даже коммунальной квартирой – это был двухэтажный дом, состоящий из двух коридоров с несколькими дверями... [7].

После войны возрождение ВГУ неразрывно связано с возрождением города Воронежа, разрушенного более чем на 85%. Пришлось восстанавливать не только учебные корпуса и общежития, а заново формировать преподавательский коллектив, создавать новые кафедры и факультеты. С 1946 года В.И. Соболев возглавлял вновь образованную кафедру математического анализа, занимался организаторской, научной и учебно-методической

¹ 30 мая 1959 года решением областного суда Белгородской области он был реабилитирован [4, с.7].

работой. Консультируясь с Л.А. Люстерником по подготовке к изданию лекций по курсу математической физики, он неожиданно для себя получил предложение расширить задачу и написать книгу по функциональному анализу, опираясь на опубликованные к тому моменту статьи Люстерника в «Успехах математических наук» [8]. Книга была издана в 1951 году [9] и на десятилетия вошла в число лучших учебников по данному предмету. В ней в полной мере проявились не только глубокий профессионализм авторов, но и их безусловный методический и педагогический талант, позволивший добиться ясности и четкости изложения весьма непростого теоретического материала. Несмотря на то, что к моменту выхода книги был опубликован ряд учебников и монографий по функциональному анализу, она стала широко известной как в Советском Союзе, так и за рубежом, выдержав впоследствии пять изданий в ГДР и по три издания в Индии, ФРГ, Польше, Болгарии, Японии и Китае (наиболее известные из них – [10; 12]).

В 1952–1954 гг. по рекомендации В.И. Соболева в ВГУ из Киева были приглашены молодые талантливые математики из Украины С.Г. Крейн и М.А. Красносельский. В 1952 году В. И. Соболев стал деканом физико-математического факультета ВГУ. Впоследствии он занимал должности проректора ВГУ по науке, директора НИИ математики ВГУ. В течение 15 лет ему удалось, совместно с М.А. Красносельским и С. Г. Крейном, «сотворить настоящее чудо, создав на месте обыкновенного провинциального математического факультета всемирно известную школу функционального анализа»¹ [13].

В. И. Соболев был очень доброжелательным и общительным человеком, у него много друзей среди сотрудников. А о его отношении к студентам ходил следующий анекдот².

Как-то раз встречаются Соболев и Федосеев – два профессора математического факультета. Соболев спрашивает коллегу: «Как ты принимаешь экзамен?». Федосеев

отвечает: «Как обычно. Я задаю студенту вопрос, если он отвечает, задаю следующий и т.д. В конце концов найдется вопрос, на который он не ответит, и я ставлю ему тройку. А как ты принимаешь?». «Да примерно по той же схеме. Я задаю студенту вопрос, если он не отвечает, задаю следующий и т.д. В конце концов найдется вопрос, на который он ответит, и я ставлю ему тройку».

В 1970-е – 1980-е годы В. И. Соболев большое внимание уделял методологическим проблемам преподавания математики в вузах. Он был членом экспертной комиссии по математике ВАК СССР, членом научно-методического совета по математике Министерства высшего образования СССР, участвовал в разработке программ и учебных планов. Именно в поиске лучших путей преподавания им были подготовлены и опубликованы замечательные учебники, отличающиеся «фирменной» простотой и ясностью изложения материалов. В книге «Дополнительные главы математического анализа» изложены весьма тонкие вопросы теории функций действительной переменной с абсолютной математической точностью и в форме, доступной хорошо подготовленным учащимся средней школы. Выпущенный совместно с преподавателями кафедры математического анализа ВГУ В.В. Покорным и В.И. Аносовым «Краткий курс математического анализа» был рекомендован МВО РСФСР в качестве учебника для университетов.

Свыше 50 статей, подготовленных В.И. Соболевым, вошли в «Математическую энциклопедию»³ – фундаментальное издание по всем основным разделам математики, общим объемом около 3000 страниц в пяти томах, переведенное практически сразу на английский язык издательством «Kluwer Academic Publisher» под названием «*Encyclopaedia of Mathematics*». Практически до своих последних дней не оставлял В. И. Соболев теоретических научных исследований, работал над книгой по истории математики. Первая ее часть вышла при жизни автора, а вторая – посмертно.

¹ *Об итогах ее работы под редакцией Владимира Ивановича Соболева была написана большая статья в УМН [14].

² Его текст мы приводим, следуя изложению Е.М. Семенова [4, с.87].

³ Перечень основных работ В.И. Соболева можно найти в [15].

Результаты научной и педагогической деятельности В.И. Соболева были отмечены многими правительственными наградами, среди которых орден Трудового Красного Знамени и орден «Знак Почета», ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

В.И. Соболев был хорошим семьянином, вместе с супругой Александрой Михайловной Мелешинной они воспитали сына Александра – достойного продолжателя семейных традиций. В настоящее время Александр Владимирович Соболев – ведущий сотрудник отдела новых методов диагностики Российского кардиологического научно-производственного комплекса МЗ РФ, доктор технических наук.

Жизненный путь замечательного человека, крупного математика и педагога, сумевшего передать своим ученикам не только математические знания, но и представление о том, что значит быть настоящим человеком и ученым, окончился в конце 1995 года. Благодарные воронежцы установили на доме, где проживал В.И. Соболев, памятную доску [16].

Автор выражает признательность В.П. Архипову и В.П. Богатовой за предоставленные материалы, а также А.В. Соболеву за знакомство с рукописью и полезные замечания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Никулов С.П. Оскольский край (Историческое исследование Оскольского края). Курск: ГУИПП «Курск», 1997.
2. Banach S. Théorie des Opérations Linéaires. Warsaw, Monografie Matematyczne, Vol. I, 1932.
3. Соболев В.И. От «Адама» до Красносельского // Материалы к истории математического факультета ВГУ. Воронеж, 1998. С. 3-12.
4. Владимир Иванович Соболев в воспоминаниях коллег и учеников. К 100-летию со дня рождения / Под. ред. Е.М. Семенова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014.
5. Токарева Т.А. Хроника социальной истории отечественной математики [онлайн-ресурс] URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/hronmath.htm> (дата обращения 14.11.15).
6. Соболев В.И. Исследования по теории полупорядоченных колец. Автореферат дисс. ... доктора физ.-мат. наук. Воронеж, 1961.
7. Мелешина А.М. «Нематематическая» биография Владимира Соболева // Воронежский университет, № 3,4,7; 2001.
8. Люстерник Л.А., Основные понятия функционального анализа, УМН, 1 (1936). С. 77–140.
9. Люстерник Л.А., Соболев В.И. Элементы функционального анализа. М. – Л.: ГИТТЛ, 1951.
10. L. Ljusternik und W. Sobolev, Elemente der Funktionalanalysis. Akademie-Verlag, Berlin, 1955.
11. 柳斯捷尔尼克 (Л.Люстерник).索伯列夫 (С.Соболев) 的《实变函数论》与.
12. L.A. Lusternik, V.I. Sobolev, Elements of Functional Analysis, Delphi, Hindustan Pub. Corp.; 1961.
13. Складнев С.А. Математический факультет на пороге XXI века // Материалы к истории математического факультета ВГУ. Воронеж, ВГУ, 1998. С. 113–118.
14. Красносельский М.А., Крейн С.Г., Рунцицкий Я.Б., Соболев В.И., О математической жизни в Воронеже // УМН, 19:3 (117) (1964). С. 225–245.
15. Соболев, Владимир Иванович (математик) [интернет-ресурс] URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Соболев,_Владимир_Иванович_\(математик\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Соболев,_Владимир_Иванович_(математик)) (дата обращения 01.02.16).
16. Архив новостей ВГУ [интернет-ресурс] URL: <http://www.vsu.ru/news/feed/2014/9/4644> (дата обращения 01.02.16).

**А.Н. Гончарова, З.З. Мухина,
Л.Н. Пивоварова**

ПОНЕВА КАК ЭЛЕМЕНТ ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ СЕЛА РОГОВАТОЕ

Традиционная одежда является важнейшей составной частью культуры и быта народа. Она выступает как знак (символ) полового, возрастного, функционального, регионального, ментального и других различий. Народная одежда – это яркое и неповторимое явление национальной культуры. Она является важным историко-этнографическим источником, так как несет в себе богатую информацию о своем времени, о региональных традициях.

Наш Оскольский край как один из районов Белгородчины имеет сложную многоплановость этнокультурного развития, которая обусловлена в значительной мере длительными (в течение XVI – XVIII вв.) миграционными движениями населения в эти районы. В исследуемый регион переселялись главным образом из центральных и юго-западных районов Русского государства. Переселенцы, неоднородные как по своему этническому, так и социально-сословному происхождению, несли с собой на новое место жительства свои традиции, обычаи, обряды, верования, в том числе и свой костюм. На новом месте под воздействием природно-климатических, социально-бытовых факторов и хозяйственной деятельности постепенно складывалась местная традиционно-бытовая культура наших предков, вырабатывались специфические локальные черты традиционной русской одежды. Здесь можно выделить несколько комплексов традиционного русского женского костюма, локализованных в определенных районах. В каждом из этих районов женский костюм отличался свое-

образными особенностями в крое, в вариантах декорирования, ношения и др.

Изучению русской крестьянской одежды, в том числе и женской, посвящены работы как дореволюционных, так и советских и современных авторов. В рамках дореволюционной историографии можно выделить фундаментальный труд Д.К. Зеленина [13, с. 134–241], в котором автор характеризует основные комплексы и типы русской народной одежды, отмечает их специфические черты, а также указывает на связь одежды народа с его историей. В рамках исследования особый интерес представляет также работа В.В. Богданова [6, с. 127–154], где дан анализ южнорусской одежды.

В советский период, как и ранее, изучение народной одежды было продолжено Н.П. Гринковой [7, с. 66–94], Н.И. Лебедевой [2] и др. Н.П. Гринкова обратила внимание на значимость и большую изначальную роль характера «клетчатости поневы», восходящей к культу солнца и к оберегу, что свидетельствует о значимости магического узора в представлениях архаической формации. Этнографами была разработана классификация русской народной одежды, представленная в двух выпусках сборников «Русские. Историко-этнографический атлас» [25; 26], содержащих обобщенные материалы и выводы по крестьянской одежде. По истории южнорусского костюма можно выделить книгу «Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.). Определитель» [17], в которой традиционная одежда рассматривается, прежде всего, как историко-этнографический источник. Элементы традиционной русской одежды и виды их украшений, способы их изготовления и расположения на предметах народной одежды, орнаментальные мотивы вышитых и тканых украшений описаны в работе М.Н. Шмелевой и Л.В. Тазихиной [33]. В этом плане интересен и труд Г.С. Масловой «Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник» [22]. Она подробно анализирует русскую народную вышивку, сюжеты и мотивы орнамента, в том числе и в плане декорирования традиционного женского костюма.

В постсоветское время изучение русской крестьянской одежды было продолжено. Появляются обобщающие фундаментальные труды: энциклопедия «Русский традиционный костюм» [29] и энциклопедический словарь «Русский традиционный быт», включающий специальный раздел по народному костюму [28]. М.Н. Шмелева дает описание русской одежды всех регионов страны в историческом развитии [31, с. 316–352; 32, с. 328–352]. Исследованию южнорусской народной одежды посвящен труд современного исследователя П.И. Кутенкова [19; 20] и др.

Следует отметить, что в последние десятилетия усилилось внимание к народной одежде на региональном уровне. Значительный интерес в контексте данной статьи представляют работы белгородских исследователей М.С. Жирова, И.П. Зотовой, О.Я. Жировой, Т.А. Митрягиной [11; 12; 15]. Традиционной одежде Оскольского края посвящена глава в учебном пособии «Живые родники Староосколья: народная, традиционная культура» Т.П. Беликовой и М.И. Емельяновой [5], «Эволюция русской народной одежды Оскольского края» М.И. Емельяновой [10], «Народная культура Юга России: Белгородская область» В.П. Кичигина [16], статьи «Традиционный костюм» Т.И. Кузнецовой и Н. Л. Бурхановой [18, с. 15–28], «Праздничная женская одежда на территории Белгородской области во второй половине XIX – начале XX веков» Е.А. Андрусенко, З.З. Мухиной, Л.Н. Пивоваровой [4, с. 284–292]. Изучение локальных особенностей позволяет понять специфику русского национального костюма в целом и обеспечить сохранение традиционной материальной и духовной культуры в современных условиях.

Одним из самых распространенных элементов женской традиционной одежды была понева. «Само название *понева*, *понява* – общеславянское и свидетельствует о большей древности, нежели все другие славянские наименования для одежды этого типа» [13, с. 235], – пишет Д.К. Зеленин. В. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» пишет: «*Понява*, *понявка*, *понявица*, *понева*, *поня*, *понька*... – лоскут, который обертывается крестьянками вокруг чресел, заместь юпки...; бористая шерстяная, полосатая юпка...; короткая юпка из трех разнопо-

лосых полотнищ...; в поневе, сшитой юпке, вставляется спереди полосатое или клетчатое полотнище инаго цвета» [9, с. 289]. По утверждению Л.В. Милова, «понька» или «понява» – «уходящий в глубь веков архаичный тип набедренной одежды», «особого рода юбки», «понька состояла из двух длинных не сшитых полотнищ холста, перегнутых на талии на шнурке» [23, с. 340]. Понева была характерна для большинства губерний лесостепной зоны Европейской России.

Этнографы связывают «понева» с обрядом совершеннолетия девушки, готовностью перехода девушки в группу замужних женщин [14, с. 243; 8, с. 27, 37–40]. Надевание поневы как момент совершеннолетия девушки было отмечено в отдельных селениях Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Калужской, Тульской, Орловской губерниях. Девушкам надевали поневу с 15 лет, после этого они считались невестами [5, с. 236]. Обряд надевания поневы у девушек в южнорусских губерниях совершался публично, в присутствии всех родных и знакомых, совпадал с началом свадебного ритуала [14, с. 234]. Обряд надевания поневы описан Д.К. Зелениным [Там же]. «Когда же древний обряд стал забываться, понева в ряде регионов... постепенно стала заменяться для девушек сарафанным комплексом и превратилась в принадлежность только замужней женщины» [11, с. 202], – пишет белгородский исследователь М.С. Жиров. Л.В. Милов отмечает, что поневы становятся одеждой замужних женщин уже в XVIII веке [23, с. 340]. Граница сарафанов и понев, считает Л.В. Милов, «удивительным образом совпадает, в первом приближении, с границей изменений к югу от Москвы ряда чисто производственных приемов при уборке хлеба (очень большие снопы, отсутствие овинов, практика сыромолота и пр.) [Там же, с. 341]. Таким образом, поневу следует отнести к одежде исконно славянского земледельческого населения.

Н.П. Гринкова отмечает, что понева еще в начале XX в. сохранилась в значительной степени среди русского населения Смоленской, Калужской, Тульской, Орловской, Тамбовской, Воронежской и Курской губерний [7, с. 88]. В дальнейшем поневный комплекс

женской одежды остался принадлежностью только южнорусского костюма, бытующего в Курской, Воронежской губерниях (в настоящее время часть бывших уездов входят в состав Белгородской области), в русских селах Богодуховского уезда Харьковской губернии.

Известны три типа поневы: *понева распашная, понева с прошвой, понева без прошвы*.

«По всей вероятности, — считает М.С. Жиров, — древнейшие поневы представляли собой три несшитых полотнища, стянутых спереди шнурком — “гашником”» [11, с. 202]. Такая понева называлась *распашной*. Распашную поневу носили, распустив во всю длину, или подтыкали за пояс одну или обе передние полы, оставляя открытой часть рубахи [5, с. 236].

Впоследствии полотнища стали сшивать, оставляя один разрез спереди и сбоку [12, с. 202]. Три полотнища поневы дополняли неширокой темной, чаще черной, вставкой — «*прошвой*» из шерстяной или другой ткани домашнего или фабричного производства. Этот тип поневы получил название «*глухая понева с прошвой*» [5, с. 237].

Способы ношения понев с прошвой были разные: с «подтыком» или «врастычку» [Там же]. Качество поневной ткани, типы понев, их орнаментика всецело зависели от материального состояния семьи, функционального назначения поневы, мастерства женщины, а также от ее возраста.

Рассмотрим локальные особенности поневы как одного из элементов комплекса традиционной женской одежды села Роговатое.

Роговатое — старинное русское село, основанное в середине XVII в. Первоначально жителями села были служилые люди: рейтары и солдаты, которым вместо денежного довольствия предоставляли землю. В дальнейшем они были причислены к однодворцам — потомкам служилых людей, присланных в XVI — XVII вв. для защиты южных границ Русского государства. Однодворцы составляли особую социальную категорию, занимавшую промежуточное положение между дворянами и крестьянами. Они владели земельным участком на правах служилого поместья, а иногда и крепостными

крестьянами, но были обложены податями. Поселения такого типа воинов часто встречались в районе Белгородской защитной черты.

В 1779 году с. Роговатое было приписано к Нижнедевицкому уезду Воронежской губернии. После образования Белгородской области в 1954 году село Роговатое вошло в состав Старооскольского района (в настоящее время — Старооскольский городской округ).

Еще Д.К. Зеленин писал, что однодворцы выделялись среди крестьянского населения особенностями одежды. Это же отмечали и другие исследователи. Современный исследователь женской одежды П.И. Кутенков также считает, что «клетчатую юбку» носили женщины в селах однодворцев [19, с. 43]. Он предполагает, что этот костюм «был принесен сюда из-за литовского рубежа, откуда вербовались служилые люди» [19, с. 43]. Но белгородский исследователь И.П. Зотова полагает, что «жители Роговатого — остатки древней донской группы славян, заселявших этот край еще до монгольского нашествия» [15, с. 54]. Сам поневный комплекс женской одежды был связан с очень сложной историей заселения края в XVI—XVII веках [25, с. 40].

Шаталовский помещик А. Харкевич в своих записках от 8 декабря 1849 г. о повседневном быте жителей села Роговатое (материалы хранятся в архиве Российского географического общества — РГО) отмечает, что женщины носят вместо юбок «паневы, тканые из крашенной шерсти в узорах ска-терти гарной работы, расшитые шелками и золотом, весьма нарядные и довольно дорогие» [34, с. 182].

Поневу в селе Роговатое шили из тонкой шерстяной клетчатой домашнего производства ткани — «*волосени*», окрашенной в черный или темно-красный цвет [5, с. 238]. «Волосень» ткали из самой длинной шерсти молодой овцы, которую не стригли целый год. Следует отметить, что роговатовцы вместо слова «шерсть» говорят «волны»: «стригли волны», а перед стрижкой овец загоняли в «ставок» — искусственную запруду, чтобы шерсть была чистой [5, с. 238]. Итак, поневная ткань, как на это указывал еще Д.К. Зеленин, представляла

собой «тканье клетчатой материи из шерстяной пряжи» [14, с. 235].

В 1927 г. сотрудники Института этнографии АН СССР Н.П. Гринкова и Е.Э. Бломквист собрали интересный материал о поневой ткани в селе Роговатое [7, с. 89]. Они выделили семь видов поневой ткани, варьирующиеся по характеру расположения клеток: «посигушка», «старушечьи полосы», «дурочка», «краснополоска», «частоклетка», «голоклетка», «распенацкая» [7, с. 89]. Однако описания указанных вариантов поневой ткани, от которой, вероятно всего, пошло и название понев, ими не были даны. Краеведы Т.И. Кузнецова и Н.Л. Бурханова отмечают 13 вариантов понев/поневои ткани: «посигушка», «старушечьи полосы», «дурочка», «понева “об одной зеленочке”», «понева “обо двух зеленочек”», «краснополоска», «краснополоска редкими», «голоклетка», «голоклетка густыми», «голоклетка редкими», «голоклетка по три клепушка», «частоклетка» и «распенацкая» [18, с. 21].

Роговатовская понева была многообразной и различалась по социовозрастному и функциональному назначению.

Оскольские краеведы отмечают, что трудоемкая по изготовлению и дорогая по использованным для нее материалам, понева в подавляющем большинстве сел Оскольского края уже к концу XIX в. постепенно выходит из употребления и заменяется длинной юбкой, сшитой из домотканой шерсти, сукна или фабричного материала [5, с. 237], за исключением села Роговатое.

В традиционный поневный комплекс одежды женщин с. Роговатое входят: понева, рубаха, завеска (передник), пояс, сорока (головной убор), украшения и обувь. Но в данном исследовании внимание уделено только одному элементу костюма – поневе (юбке).

Дискуссионным является вопрос о цветовой гамме понев женщин исследуемого села. Так, И.П. Зотова пишет, что в «селе бытовали как черные, так и клетчатые коричневые поневы. Черная понева ткалась обычно в бело-красную клетку, в коричневой соединялись красные, черные, зеленые, белые и зеленые нити» [15, с. 55]. Т.П. Беликова и М.И. Емельянова отмечают, что роговатовские поневы шились «из тонкой шерстяной

клетчатой ткани домашней выработки – «волосени», окрашенной в черный или в темно-красный цвет» [5, с. 238]. По рассказам хранителя музейных экспонатов роговатовской школы Т.Н. Фоминой (Юдиной) (1956 г.р.), старожилов Е.Н. Фоминой (1939 г.р.), П.М. Скворцовой (1945 г.р.), А.И. Фоминой (1948 г.р.), В.П. Рыбниковой (1953 г.р.) и др. поневы окрашивались только в черный цвет [1]. Возможно, в последнем случае имели в виду прошву. Видимо, так же рассуждают и краеведы Т.И. Кузнецова и Н.Л. Бурханова: «Шились поневы из трех и более полотнищ, с добавлением прошвы – полотна из гладкокрашеной черной ткани» [18, с. 19].

Во время экспедиций в с. Роговатое нами были отмечены и зафиксированы поневы с черной прошвой, за исключением одной – коричневой, имеющейся в музее роговатовской школы. Т.Н. Фомина считает, что данная понева не местная, а была привезена невестой, взятой из соседнего села Россось, где носили подобные юбки-поневы. Старожилы села говорят, что «мать невесту (дочь) отдавала с поневои» [1]. Изучение роговатовских понев, имеющих в указанных в музеях региона и частных коллекциях, показало, что величина клетки в разных поневках варьируется.

Технология изготовления и окрашивания тканей и пряжи, в том числе и для понев, подробно описана М.И. Емельяновой [10, с. 165–170].

В селе Роговатое изготавливали *поневы с прошвой*, т. е. с черной вставкой. Поневу с прошвой шили из четырех полотнищ ткани: брали *три полотнища клетчатой ткани* (с различным сочетанием *черного, красного, белого и зеленого* цветов) и одно – черное полотно – *прошву*. Такие поневы были характерны в целом для южнорусской женской одежды. Д.К. Зеленин писал, что понева «состоит из четырех полос ткани, сшитых друг с другом длинными сторонами так, что образуется замкнутый круг. Последняя четвертая полоса обычно другого цвета и из другой ткани и называется *прошва*, а вся понева такого покроя носит название *глухая*» [13, с. 238–239].

Места соединения полотен, из которых шилась понева, декоративно оформлялись. Этот рубец назывался «*свозка*» [18, с. 20].

В верхней части понева собиралась в сборку [1] и загибалась вниз, в «образовавшуюся складку — *гашиник* — пропускался шнурок, которым легко было регулировать размер одежды по фигуре» [18, с. 20], таким образом понева туго крепилась на талии. Прореха находилась всегда спереди по центру и прикрывалась фартуком [1]. Прошва находилась спереди — слева.

Таким образом, тип понев селе Роговатое — это понева с прошвой, которая представлена поневами будничными и праздничными [5, с. 287–288]. Каждая из этих понев имела свои разновидности и названия.

Будничные поневы. Будничные или повседневные поневы были более короткими, чем праздничные, и, как правило, почти не украшались, только их подола обшивали узкой цветной тканой полосой («обвозкой», «обноской») [10, с. 237].

К будничным относились следующие поневы: «посигушки», «дурочки», «поневы “об одной зеленочке”», «понева “обо двух зеленочек”», «голоклетка редкими», «частоклетка», «старушечьи полосы» [4, с. 21]. Повседневные поневы были без вышивки, низ обрабатывался крючком [1] или обшивался узкой каймой. В клетчатой ткани присутствуют красный, черный, белый, зеленый цвета. Нить зеленого цвета считалась самой дорогой и пускалась редкими полосами [4, с. 288].

Женщины молодые и среднего возраста носили, как правило, поневы черные с белыми клетками. В поневах «голоклетка редкими» молодые женщины работали в поле [18, с. 21]. Поневу «об одной зеленке» повседневно носили только старые женщины 70–80 лет, чем старше была женщина, тем меньше зеленых полос было на ее поневе, т.е. она была намного проще и беднее [5, с. 238]. В поневе «старушечьи полосы» женщина ходила до самой смерти, в ней ее и хоронили [4, с. 288].

Для с. Роговатое были характерны следующие разновидности праздничных понев — «по полотну», «краснополоска», «голоклетка», «голоклетка густыми клепушками» и «голоклетка по три клепушка».

Понева «по полотну». Она считалась наиболее богатой и одной из самых празднич-

ных. Ее могла иметь не каждая женщина. Порой, чтобы изготовить такую поневу, крестьяне влезали в долги [1]. Поневу по полотну впервые надевали на второй день после свадьбы и затем на «годовые» православные и семейные праздники (на сватанье и на свадьбы) только молодые женщины до 30 лет [1]. Понева «по полотну» была сплошь расшита шерстяными ярко окрашенными нитями из овечьей шерсти — «шленкой». Техника вышивки — *настил*, т.е. вышивка почти полностью закрывала черную поневную клетчатую ткань. Места соединения полотен расшивались синими, зелеными, желтыми, красными нитями. Эти же цвета использовались в оформлении подола. Узкая кайма по подолу («подвозка») часто имела очень сложный узор из разнообразных геометрических элементов: ромба, квадрата, зигзага и др. Прошва оставалась без вышивки — черного цвета [4, с. 287]. На поневе делали «кострецы» [1] — складки, чтобы выделить бедра.

Понева «краснополоска». Понева «краснополоска» («бранная по полотну») также считалась праздничной поневой молодой женщины. Эта понева очень декоративна по цвету. По черному полю с белыми клетками вышивались красными нитями настилом широкие продольные полосы. Причем эти белые вытканые перекрещивающиеся полосы часто расшивались белой шерстью, что усиливало декоративное звучание цвета. «Узоры таких понев зачастую выполнялись прямо на стане, во время тканья» [15, с. 55], — отмечает П.И. Зотова. Даже у одного типа поневы существовали отличия, например в оформлении подола-подвозки. Поневу «краснополоску» одевали женщины 30–40 лет в праздники [1].

Понева «голоклетка». На таких поневах расшивались только швы и кайма по подолу. Такое название понева получила потому, что ее основу составляет шерстяная ткань в клетку, как говорят, «не прикрытая» вышивкой. Поневы «голоклетка» одевали женщины 40–50 лет в церковь и на семейные праздники [1].

Понева «голоклетка густыми клепушками» и «голоклетка по три клепушка». Такие поневы украшались продольными и

поперечными узкими полосками, вышитыми разноцветными нитями. Носили их по праздникам женщины среднего возраста.

Интересны были способы ношения поневы в будни и праздники. В обычные дни при выполнении полевых и домашних работ роговатовские женщины поневы подтыкали, такой способ ношения поневы назывался «подтыком» (в других местах так носили, как правило, распашные поневы). Другой способ ношения – когда спереди поневу поднимали и затыкали за пояс под фартук. Такой способ назывался «калоша», «калошина» [4, с. 288; 15, с. 55] (сзади образовывался своеобразный конверт). В праздничные дни, при посещении церкви, на свадьбу, в гостях поневу носили «врасстычку», т.е. опустив ее подол вниз. Но иногда в праздники, как отмечает М.С. Жиров, «ее подворачивали, чтобы специально показать вышитый подол рубахи» [12, с. 202]. Одевали и снимали поневу всегда через голову, чтобы ее не запачкать [1].

Как показывает наше исследование, у женщин с. Роговатое поневы являлись самой распространенной одеждой, многие имели по несколько понев, а у женщин из зажиточных семей было до десяти, а то и более поневных костюмов [1]. Краевед Оскольского края М.И. Емельянова считает, что причинами консервации традиционной одежды, в том числе и поневы, в селе Роговатое в прошлом являлось «разведение в каждом подворье овец, нередко помногу голов, а также отходничество мужчин на сельскохозяйственные работы на Кавказ. Они нанимались пастухами (овчарами), пасли овец и за работу свою получали оплату не деньгами, а натурой – привозили домой много овечьей шерсти. Наличие в достаточном количестве высококачественного сырья и питало традицию в селе, способствовало длительному сохранению одежды из домотканой шерсти...» [10, с. 88–89].

Этнографы отмечали традицию ношения поневы в селе Роговатое и в советский период, «в этом селении женщины носят исключительно поневы» (1927 г.) [7, с. 89]. Уроженка с. Роговатое П.М. Скворцова

(1945 г.р.) вспоминает, что роговатовские женщины «демонстративно носили поневы и в годы ее молодости» [1].

Интересно отметить, что до сегодняшнего дня во многих семьях села Роговатое сохранились старинные поневные комплексы традиционной женской одежды, которые передаются по наследству по материнской линии. Традиция ношения поневного комплекса одежды в с. Роговатое сохраняется и в настоящее время. Например, роговатовские женщины в поневных костюмах ходят свататься [1], их надевают в праздничные дни. Нами отмечен факт сохранения и возрождения элементов традиционной культуры, например возрастающее желание молодых женщин села пойти на свадьбу в нарядной поневе. Если в семье нет поневного костюма, тогда обращаются к старожилкам с просьбой «одолжить» костюм во временное пользование [1]. В подлинной старинной одежде, включающей нарядную поневу, выступает и известный роговатовский фольклорный ансамбль, которым долгие годы руководила Н.Д. Исакова. Ежегодно в поневных костюмах женщины представляют «Роговатовское подворье» на празднике «День города» (Старый Оскол) [30, с. 204].

В заключение следует отметить, что в поневе, в том числе и роговатовской, одновременно сосуществуют как древние виды, элементы и формы орнамента, так и новые, появившиеся в более поздний период.

Поневный комплекс одежды роговатовских женщин входит в состав южнорусского костюма, является неотъемлемой частью традиционной одежды Белгородчины.

Женщины с. Роговатое и сегодня являются хранительницами старинного поневного костюма. Традиции ношения поневной одежды в с. Роговатое свидетельствуют о сохранении элементов традиционной культуры на исследуемой территории. Сегодня разновидности праздничных женских костюмов села Роговатое являются образцами для современных мастеров-игрушечников, создающих как глиняные игрушки, так и тряпичные куклы в традиционной одежде.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КГН СТИ НИТУ «МИСиС» – кафедра гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиал) НИТУ «МИСиС»

МКУК СОКМ – муниципальное казенное учреждение культуры «Старооскольский краеведческий музей»

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС». Папка «Одежда». Интервью с П.М. Скворцовой, В.П. Рыбниковой, А.И. Фоминой, Е.Н. Фоминой, Т.Н. Фоминой.
2. Архив Муниципального казенного учреждения культуры «Старооскольский краеведческий музей» (г. Старый Оскол). Основной фонд. К. 7519, 7520, 7698, 12034, 12519.
3. Архив музея Роговатовской средней школы.
4. Андрусенко Е.А., Мухина З.З., Пивоварова Л.Н. Праздничная женская одежда на территории Белгородской области // Народный костюм и обрядность на Русском Севере. Материалы VIII Каргопольской научной конференции. Каргополь: Вельти, 2004. С. 284–292.
5. Беликова Т.П., Емельянова М.И. Живые родники Старосколя: народная, традиционная культура: Учебное пособие. Старый Оскол, 2003.
6. Богданов В.В. Из истории женского южновеликорусского костюма // Этнографическое обозрение. 1914. № 1–2. С. 127–154.
7. Гринкова Н.П. Очерки по истории русской одежды / Н.П. Гринкова // Советская этнография. 1934. № 1. С. 66–94.
8. Гринкова Н.П. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту (по материалам русской одежды) // Советская этнография. 1936. № 2. С. 21–54.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т. 3. М.: «Русский язык», 1980.
10. Емельянова М. И. Эволюция русской народной одежды Оскольского края (2-я половина XIX – начало XX века). Старый Оскол: издательство КПЦ «Роса», 2007.
11. Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Учебное пособие. Белгород, 2000.
12. Жиров М.С., Жирова О.Я., Митрягина Т.А. Традиционный народный костюм Белгородчины: история и современность. Белгород: Изд-во: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2005.
13. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. Пер. с нем. К. Д. Цивинной. Примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович и К. В. Чистова. М.: Наука, 1991.
14. Зеленин Д.К. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // Живая старина. 1911. Вып 2. С. 233–246.
15. Зотова И.П. Белгородский народный костюм. Белгород, 2005.
16. Кичигин В.П. Народная культура Юга России: Белгородская обл. // Опыт систематизации этнофольклорного материала. Белгород, 2000.
17. Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.): Определитель / отв. ред. А.А. Лебедева. М., 1971.
18. Кузнецова Т.И., Бурханова Н.Л. Традиционный костюм // Село Роговатое: традиции, обряды, обычаи / Упр. Культуры Белгор. обл., ГБУК «Белг. гос. музей народной культуры». Отв. за вып. Н.И. Шатерникова. Белгород: КОНСТАНТА, 2014. С. 15–28.
19. Кутенков П.И. Великорусская женская сряда (одежда). Сядемская и вяземская крестьянские родовые культуры (середина XIX – начало XX в.): Книга 1. Часть 1. СПб.; Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2010.
20. Кутенков П.И. Южнорусская народная одежда. СПб: Русское географическое общество, 2011.
21. Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – нач. XX в. // Восточнославянский этнографический сборник М., 1956. (ТИЭ. Т. XXXI).
22. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.
23. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001.
24. Областная целевая программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Белгородской области в 1997–1999 годах» / 1996. – № 674. Постановление главы администрации области. Белгород.

25. Русские: историко-этнографический атлас / Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX в.) / под ред. В.А. Александрова и др. М.: Наука, 1967.
26. Русские: историко-этнографический атлас / Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX – начало XX в. М.: Наука, 1970.
27. Русский народный костюм: Государственный исторический музей. М.: «Сов. Россия», 1989.
28. Русский традиционный быт: энциклопедический словарь / авт.-сост. И.И. Шангина. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 688 с.
29. Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб.: Искусство СПб, 2001.
30. Смотров В.М. В объективе – жизнь: документально-художественный фотоальбом. Старый Оскол: Металлоинвест, УКК ОАО «ОЭМК», 2014.
31. Шмелева М.Н. Русская одежда // Русские / под ред. В.А. Александрова [и др.]. М., 1999. С. 316–352.
32. Шмелева М.Н. Социальная дифференциация одежды в XVIII – XIX веках // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 2005.
33. Шмелева М.Н., Тазихина Л.В. Украшения русской крестьянской одежды сер. XIX – нач. XX в. // Русские: историко-этнографический атлас. М., 1970. С. 83–123.
34. Юдин В.В. Роговатое. Вехи истории: исторические очерки: / В.В. Юдин. Старый Оскол: изд-во ООО «Оскольская типография», 2013.

М.И. Емельянова, В.Г. Чуриков

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ ПЕДАГОГА Ф.Д. ПАВЛОВА

Ф.Д. Павлов

Среди замечательных старооскольцев, внесших достойный вклад в историю народного образования и культуры Староосколя, значится имя Федора Дмитриевича Павлова, талантливого педагога, умелого и умного руководителя Старооскольского высшего начального училища, а в советское время – заведующего городской общеобразовательной школой I ступени.

Много лет назад, в 1990-е гг., занимаясь исследованием истории педагогического образования в Старом Осколе, я встретила с сыном Ф.Д. Павлова – Константином Федоровичем Павловым, бывшим преподавателем геологоразведочного техникума. Константин Федорович много рассказывал о себе, о своих родителях, братьях и сестрах. С особенной теплотой он говорил о своем отце и его работе, а потом изложил воспоминания письменно. Из семейного альбома он подарил мне несколько фотографий, в том числе старинную фотогра-

фию своего деда Дмитрия Павловича Павлова с семьей, передал несколько ценных документов [1].

На тетрадном листе в клеточку Константин Федорович начертил схему расположения помещений в здании бывшего Высшего начального училища, как это было в то время, когда семья заведующего училищем Ф.Д. Павлова жила в этом здании [Там же].

Найти какие-либо достоверные сведения о довоенной городской школе I ступени на улице Володарского и ее заведующем в Старооскольском городском архиве невозможно, поскольку там содержатся материалы по народному образованию только с 1954 г.

Поиск был долгим и трудным. К.Ф. Павлов умер в декабре 1994 г. В его квартире живут чужие люди, которые о прежних жильцах ничего не знают.

Однако в течение лета 2015 г. мне все-таки удалось разыскать внука Ф.Д. Павлова – Владимира Григорьевича Чурикова, сына дочери Федора Дмитриевича Александры Федоровны, и правнука – Виктора Игоревича Иванова, сына Тамары Григорьевны – дочери Александры Федоровны, живущих в Старом Осколе.

Мы не только встретились и побеседовали. Владимир Григорьевич стал моим активным и очень заинтересованным помощником в поисковой работе и соавтором статьи.

Однако встреча поставила перед нами несколько новых, неожиданных вопросов.

Здание бывшего Высшего начального училища.
Фото 1956 г.

Так, по словам Владимира Григорьевича, ни у кого из ныне живущих родственников не сохранилось никаких документов о Ф.Д. Павлове, кроме нескольких фотографий. По имеющимся у него сведениям, Федор Дмитриевич Павлов работал в образовании в Старом Осколе только в царское время – был заведующим Высшим начальным училищем. Но в 1918 г. местная советская власть отстранила его от учительской деятельности, так как он «не имел права учить советских детей, будучи учителем старой закалки». Федор Дмитриевич вынужден был работать где-то бухгалтером или счетоводом.

Но у меня были написанные Константином Федоровичем Павловым воспоминания, где он указывает, что его отец заведовал общеобразовательной школой I ступени вплоть до Великой Отечественной войны [Там же].

Обнаружились и другие неточности, которые нужно было устранить.

Оставалась надежда на Государственный архив Белгородской области (ГАБО) или на Государственный архив Курской области (ГАКО).

В Белгородский архив пришлось съездить несколько раз, только с Владимиром Григорьевичем мы ездили туда дважды. Нам удалось обнаружить очень ценные документы о Федоре Дмитриевиче, его биографии, педагогической и общественной деятельности, а также документы, написанные им собственноручно.

По моей просьбе Владимир Григорьевич связался с некоторыми своими родственниками, живущими в других городах, и попросил их сообщить ему, что им известно о Федоре Дмитриевиче и Александре Георгиевне Павловых.

В ноябре 2015 г. из Вильнюса Сергей Головкин, племянник Владимира Григорьевича, прислал ему аудиозаписи бесед с Александрой Федоровной и Константином Федоровичем, сделанные им во время его приезда в Старый Оскол в 1990-е гг. [см.: 2, 3]. Об этих записях Владимир Григорьевич ничего не знал, так как в то время не жил в Старом Осколе.

Из воспоминаний Александры Федоровны и собранных нами архивных документов стало ясно, что Федор Дмитриевич

работал заведующим Старооскольским высшим начальным училищем, а затем в советское время много лет заведовал городской общеобразовательной школой I ступени. Ни на какой другой работе не состоял.

Так подтвердилась справедливость рассказа Константина Федоровича о своем отце.

И только собрав материалы о Павловых, о становлении школьного образования в Староосколе в первые годы советской власти и вплоть до 1940-х гг., мы приступили к их систематизации, изучению, обобщению и написанию статьи.

Свою родословную Павловы ведут от крепостных крестьян. Их родной предок Дмитрий Павлович Павлов был крепостным крестьянином помещика Серебрянского в деревне Муравиевка Землянского уезда Воронежской губернии.

По словам К.Ф. Павлова, после отмены крепостного права «дед выбился в люди: стал буфетчиком в доме воронежского губернатора и жил с женой Валентиной Федоровной и детьми в слободе Чижовка города Воронежа».

Семья Д.П. Павлова (сидит в центре).
Стоит второй слева Ф.Д. Павлов

Павлов Федор Дмитриевич родился в 1872 г., успешно окончил Воронежскую учительскую семинарию, а в 1900 г. получил аттестат Белгородского учительского института. В том же году он женился на Александре Георгиевне Прудской. Тогда же началась его долгая педагогическая деятельность. Поначалу судьба его бросала

то в одно, то в другое учебное заведение Воронежской, Тамбовской и Курской губерний.

Как пишет сам Федор Дмитриевич, он работал учителем естествознания в Мечетском начальном училище Бобровского уезда Воронежской губернии, в Лебедянском уездном училище и в Козловском городском училище Тамбовской губернии, в Старооскольском городском четырехклассном училище заведующим Тимским городским училищем Курской губернии, учителем и заведующим Старооскольским высшим начальным училищем, а в советское время – учителем и заведующим общеобразовательной школой I ступени и начальной школой вплоть до Великой Отечественной войны [5. ГАБО. Р. 690. Оп. 2. Д. 6. Л. 233]. Только в Старом Осколе в народном образовании Ф.Д. Павлов проработал более 33-х лет [Там же].

В Старый Оскол Ф.Д. Павлов приехал в 1906 г. в связи с переводом из Козловского городского училища учителем естествознания в Старооскольское городское 4-х классное училище. Семья Павловых поселилась на улице Покровской. Но в 1910 г. его назначают заведующим городским 4-хклассным училищем в город Тиме Курской губернии.

В 1912 г. Старооскольское городское училище, расположенное на улице Казанско-Николаевской (переименована в 1919 г. в улицу Володарского), было преобразовано в Высшее начальное училище с 4-хлетним сроком обучения, как и везде по стране.

Высшие начальные училища – общеобразовательные учебные заведения Российской империи, промежуточные между начальными и средними учебными заведениями. Они были мужскими, женскими и совсем немного было смешанных. Принимались дети 10–13 лет, окончившие воскресную или церковно-приходскую школу.

Учащиеся Высших начальных училищ, окончившие курс 1 и 2 классов, могли поступить соответственно во 2 и 3 классы средней общеобразовательной школы. Выпускники обычно поступали в учительские семинарии или в технические училища.

Заведующим новым учебным заведением был назначен Ф.Д. Павлов.

Учителя и учащиеся Высшего начального училища (Ф.Д. Павлов 4-й слева в первом ряду). Рядом с ним (слева), возможно, В.Г. Гусарев

Можно предположить, что это произошло, скорее всего, по ходатайству старооскольских местных властей: Федор Дмитриевич уже хорошо зарекомендовал себя как педагог и как человек, когда работал учителем в городском училище, к этому времени имел опыт руководящей работы и был уже в ранге коллежского ассесора, а через некоторое время был возведен в ранг надворного советника. Нам не удалось по архивным материалам выяснить, почему не назначили на эту должность Александра Петровича Синдеева, который был учителем и инспектором (заведующим) реорганизуемого Городского училища и состоял в ранге надворного советника [6, с. 354].

Почетным смотрителем Высшего начального училища был назначен состоящий в 8 классе табели о рангах Василий Гаврилович Гусарев – купец, директор Городского общественного банка [Там же, с. 384–385]. Эти обязанности он исполнял ранее и в Городском 4-хклассном училище [Там же, с. 355].

Павловы поселились в здании учебного заведения, очевидно, получив на это разрешение.

Согласно схеме, начертанной К.Ф. Павловым, на втором этаже были четыре классные комнаты. На первом, в левом крыле, располагалась квартира заведующего, в которой были зал, столовая, детская и кухня. Напротив – актовый зал и учительская. В подвальном помещении находились столовая для учащихся, столярно-слесарная ма-

стерская, хорошо оборудованная и оснащенная всеми необходимыми инструментами и материалами, а также открытая уже при Ф.Д. Павлове котельная [1].

Актный зал использовался и как приемная для заведующего, где он принимал всех важных гостей. На стенах в зале висели портреты всех российских императоров, начиная с Петра Первого [Там же].

С первых же дней Федор Дмитриевич Павлов все свои усилия, обширные знания, большой педагогический опыт и талант организатора сосредоточил на преобразовании и развитии учебного заведения.

В Старооскольское высшее начальное училище принимали только мальчиков, окончивших церковно-приходскую или воскресную школу. Для учащихся обязательной была форма: серые шерстяные рубахи, темные брюки навыпуск, ременные пояса с медными пряжками.

В учебном заведении изучались следующие предметы: русский язык и словесность, арифметика, начала анализа алгебры и геометрии, русская история со сведениями из всеобщей истории, Закон Божий, естествознание, физика, черчение, рисование, пение и некоторые другие предметы.

Здесь трудились высококвалифицированные педагогические кадры. Так, общеобразовательные предметы вели: Алексей Павлович Хорошилов, состоящий в 10 классе табели о рангах; Михаил Михайлович Коновалов, коллежский асессор; Григорий Иванович Акимов, состоящий в 10 классе; Федор Дмитриевич Павлов, надворный советник; Лидия Ивановна Благосклонова; Закон Божий преподавал священник Николаевской церкви, находящейся через дорогу от училища, отец Дмитрий Труфанов; графическое искусство в разные годы вели Владимир Степанович Пащенко, Максим Антонович Шельдяев, Константин Васильевич Мальцев; немецкий язык вела домашняя учительница Вера Борисовна Картамышева; французский – домашняя учительница Евгения Михайловна Рышкова; пение – мещанин Василий Григорьевич Гладких. Столярному ремеслу учил имеющий звание мастера Андрей Иокимович Иляков, позднее – имеющий звание мастера Иван Ильич Филатов и подмастерье

Георгий Афанасьевич Попов; гимнастику и строевую подготовку преподавал прапорщик запаса Михаил Андреевич Васильев [6, с. 272, 384–385] и др.

На школьном дворе была оборудована хорошая по тому времени спортивная площадка.

В училище был создан собственный духовой оркестр, которым руководил талантливый музыкант, цыган по национальности А.С. Энтин.

В учебном заведении была богатая библиотека, собрано много наглядных пособий по изучаемым предметам.

Под руководством Ф.Д. Павлова Высшее начальное училище стало одним из лучших учебных заведений в Старом Осколе.

За свою многолетнюю успешную педагогическую работу, большую общественную деятельность Ф.Д. Павлов был награжден орденом Станислава первой степени и почетной шпагой с позолоченным эфесом, а также ему был присвоен титул личного дворянства. Об этом говорят в своих воспоминаниях его дети – Константин Федорович и Александра Федоровна [1].

Кроме того, следует отметить, что ношение почетной шпаги в царской России было исключительной привилегией дворян. Личное дворянство передавалось браком от мужа жене, но не передавалось детям и потомкам.

В годы Гражданской войны, опасаясь за судьбу своих детей, Федор Дмитриевич уничтожил наградные документы, а орден и шпагу закопал. Найти это место сегодня уже невозможно.

После октябрьского переворота 1917 г. советская власть начала осуществлять коренную перестройку системы народного образования. Старая система была разрушена, создавалась единая трудовая школа. Был принят ряд постановлений, декретов и документов, направленных на строительство новой советской школы.

Важнейшим из них является принятый 1 октября 1918 г. (опубликован 16 октября того же года) декрет о единой трудовой школе, который намечал пути строительства такой школы. Были определены социальные принципы построения системы народного образования, осуществление национально-го и полового равноправия, бесплатное со-

вместное обучение на родном языке, преемственность различных ступеней обучения. Вводилась единая трудовая школа с 9-летним сроком обучения, разделенном на две ступени: первая ступень – для детей от 8 до 13 лет (пятилетний курс), вторая ступень – от 13 до 17 лет (четырёхлетний курс).

На базе этой школы предусматривалось широкое развитие профессионального образования для юношей и девушек с 17-летнего возраста.

Наряду с базовыми принципами организации образования в документах предлагались и конкретные рекомендации по формированию содержания обучения, продолжительности учебного года, использованию определенных форм работы и т.д.

Были закрыты все мужские и женские гимназии, реальные и духовные училища и другие типы образовательных учреждений, в том числе все частные.

Все образовательные учреждения становились государственными и передавались в ведение Наркомата народного просвещения.

Создание единой трудовой школы рассматривалось как важнейшее условие демократизации всей системы народного образования.

Как показали наши исследования, в Старом Осколе вместо закрытых средних учебных заведений была открыта единственная в те годы в городе и в уезде школа второй ступени.

Высшее начальное училище было реорганизовано в первую Советскую школу первой ступени с 5-тилетним курсом обучения. Следует отметить, что в течение 20 предвоенных лет статус школы изменялся несколько раз: она была пятилеткой, семилеткой и начальной школой – четырехлетней, имела в разное время № 1, 2 и 3, что свидетельствует о постоянно меняющейся ситуации в народном образовании в нашем городе.

Ф.Д. Павлов был избран и утвержден учителем и заведующим данной новой советской школой.

Для Ф.Д. Павлова Старый Оскол стал родным городом, он не представлял своей жизни вне школы, на другом поприще. Поэтому отдавал делу просвещения все свое время, силы и здоровье. Он был внимате-

лен и чуток к нуждам учащихся и учителей. К нему нередко приходили родители за советом о воспитании своих детей и уходили удовлетворенные.

Вот яркий пример. В его школе работала по совместительству учительница третьего класса Л.А. Благосклонова. Заведующий добивается включения ее в штатное расписание школы. Он пишет в Общий отдел Старооскольского УИКА, отдел народного образования ходатайство следующего содержания: «Л.А. Благосклонова зарплату получает из сумм, направленных на содержание школы – 7-летки, как учитывающие параллельные классы означенной школы, и поэтому должна быть включена в список означенной школы – 7-летки» [5. ГАБО. Р. 490. Оп. 2. Д. 88. Л. 128].

Для Л.А. Благосклоновой, у которой на иждивении находился старый и больной отец, это было настоящим подарком, так как, находясь за штатом, она в любую минуту могла остаться без работы.

Самое активное участие принимал Ф.Д. Павлов в общественной жизни города, выступал с беседами по вопросам воспитания детей на предприятиях и на летних площадках, много внимания уделял работе по ликвидации неграмотности взрослого населения.

Об этом свидетельствуют сохранившиеся в государственном архиве документы. В 1926 и в 1930 гг. Ф.Д. Павлов обращается в Старооскольский отдел народного образования с просьбой выдать ему отзыв о его общественно-служебной деятельности. Он пишет: «Отзыв этот необходим мне для представления в вуз при заявлении моего сына о принятии в число слушателей вуза» [Там ж, л. 270].

Дети Павловых в разные годы оканчивали школу и поступали в вузы. Оказывается, в довоенное время такие документы для абитуриентов были обязательными.

Ф.Д. Павлов получает отзыв, в котором высоко оценивается его работа как руководителя школы и общественника.

Приведем полностью отзыв от 02.07.1926 г.: «Старооскольский ОНО свидетельствует, что школьный работник, член союза Рабпроса Павлов Федор Дмитриевич, книжка Старооскольского УПРОСА № 8060, состоит в должности школьного работника 31

год, при чем при Советской власти в означенной должности – учителя и заведывающего школою 1 ступени состоит со дня Октябрьской революции.

Работу школьно-общественную он, Павлов, ведет с должным усердием и старанием и считается опытным руководителем подрастающего поколения людей, посещающих школу, воспитывая в нем любовь и стремление к труду, знанию и коллективному творчеству, без чего немислимо создание новой жизни, намеченной Великой Октябрьской революцией. Зав. УОНО Винченко» [Там же, л. 271].

Положение с педагогическими кадрами в довоенное время было очень трудным. Учителей катастрофически не хватало, особенно при переходе на обязательное всеобщее семилетнее образование.

О нехватке учителей свидетельствует факт, что в 1926 г. в школе Павлова тяжело заболела учительница, заменить ее было некем [Там ж, л. 164].

Тогда отдел народного образования обратился в Старооскольский педагогический техникум с просьбой «послать одного из воспитанников старшей группы для занятий в школе 1 ступени №2 вместо заболевшей учительницы Благодсконовой Л., впредь до назначения для этой работы кандидата из безработных членов Старооскольского горколлектива союза Рабпросвещения» [Там же, л. 63].

По воспоминаниям бывших выпускников педагогического техникума, случаи привлечения их на работу учителями еще во время учебы были довольно частыми.

Из собранных документов следует, что школ первой ступени в довоенный период в городе было много. Но они не были полностью укомплектованы учащимися. Недостаточным был контингент учащихся и в школе Павлова, поэтому в ней не было полной ставки заведующего.

Об этом говорит удостоверение, выданное Ф.Д. Павлову отделом народного образования в октябре 1926 г. о его зарплате: «Сим удостоверяется, что школьный работник 2-ой Советский школы 1 ступени г. Старого Оскола Павлов Федор Дмитриевич получает жалованье по занимаемой должности 414 руб. в год и 50% надбавки за заведывание школою. На руках имеет се-

мью в 7 душ, из которых учится 5 человек. Зам. ЗавОНО Саплин» [Там же, л. 441].

Данную справку его сын К.Ф. Павлов предоставил в Воронежский химико-технологический институт, куда он поступил учиться в 1926 г. Тогда от абитуриентов вузов требовалось указать в обширном опросном листе, на какие средства они собираются учиться. И Константин Федорович написал: «На средства отца».

В связи с неизбежностью сокращения школ первой ступени в городе в 1930 г. и грозящим слиянием вверенной Павлову школы с другой школой он обращается в Старооскольский ОкрОНО с просьбой «предоставить ему должность школьного работника или по родному языку, или по природоведению и географии в одной из школ повышенного образования...» [5. ГАБО. Р. 690. Оп. 2. Д. 6. Л. 232].

Здание школы предполагалось передать под сельскохозяйственный техникум, который планировалось открыть в Старом Осколе.

Однако техникум не был открыт, школа продолжила работу, и заведующий Ф.Д. Павлов остался на своем посту.

В должности заведующего школой Ф.Д. Павлов работал до Великой Отечественной войны. Во время оккупации города немецко-фашистскими захватчиками учебные заведения не работали. В здании «школы Павлова» располагалась немецкая комендатура [7, с. 91].

Семья Павловых переселилась в съемную квартиру в угловом двухэтажном доме на улице Пролетарской, под горой (ныне это территория кондитерской фабрики).

Судя по документам и другим архивным материалам, после освобождения Старого Оскола занятия в городской семилетней школе по улице Володарского, 14 возобновились, очевидно, только с 1 сентября 1944 г.

О том, что здание школы было готово к занятиям только к сентябрю 1944 г., говорит статья П.К. Коркешкина в газете «Путь Октября» от 05. 09 1944 г. Он пишет: «1 сентября 1944 г. жизнерадостные дети направляются в городскую 7-летнюю школу, которая давно готова к приему учащихся. Все выбелено, расставлена мебель, на стенах приветственные лозунги...» [8].

По нашим предположениям, Ф.Д. Павлов 1 сентября 1944 г. в последний раз

приветствовал учащихся и учителей как заведующий школой. В конце сентября он передал руководство школой новому директору – Петру Кронидовичу Коркешкину, а сам остался еще на некоторое время работать учителем естествознания.

После смерти жены Александры Георгиевны в 1947 г. Федор Дмитриевич жил в семье сына Константина Федоровича на улице Володарского (сегодня на месте небольшого дома на двух хозяев построен пятиэтажный дом № 19-а).

Ф.Д. Павлов не только учил детей. Он продолжал вести большую общественную работу, выступал перед молодыми учителями с беседами и консультациями как методист, щедро делился с ними своими многочисленными методическими разработками и наглядными пособиями.

Умер Ф.Д. Павлов в 1951 г. и похоронен рядом с женой на старом городском кладбище.

В семье Федора Дмитриевича и Александры Георгиевны Павловых было 11 детей. Трое умерли во младенчестве, восемь детей родители вырастили и воспитали.

Семья Павловых. 1917 г.

Из воспоминаний Александры Федоровны и Константина Федоровича видно, что семья была ладная, дружная, все были внимательны друг к другу и заботились друг о друге.

В семье любили музыку и русскую поэзию, ребята играли на скрипке и гитаре. В воскресные осенние и зимние вечера устраивались семейные музыкально-поэтические гостиные. Вся семья собиралась в большой комнате за огромным столом. Пели русские народные песни, особенно любили петь романсы. Пели хором, с упоением: «Из-за острова на стрежень», «Когда легковерен и молод я был», «Вечерний звон», «Солнце всходит и заходит», «Судьба играет человеком» и многие другие. С особым удовольствием и чувством исполняли любимую песню отца «На солнце оружием сверкая...».

Очень любили дети, когда пела мама, и всегда ее об этом просили.

Александра Георгиевна пела «Ах, зачем эта ночь так была хороша», «Белая акация», а дети не сводили глаз с ее лица, которое необыкновенно преображалось во время пения. «Мама, наверно, в это время вспоминала и вновь переживала свою юность», – говорил Константин Федорович.

На вечерах звучало очень много стихов русских поэтов, с особенной любовью читались стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова. И каждый раз дети не забывали сделать отцу удовольствие и читали его любимое стихотворение «Брожу ли я вдоль улиц шумных».

Больше всех читал стихи наизусть Константин Федорович, обладавший феноменальной памятью. Любовь к песне и поэзии он пронес через всю свою жизнь до глубокой старости [4].

Родители сделали все возможное, «чтобы вывести детей в люди». Все дети получили высшее и среднее специальное образование, работали в различных сферах народного хозяйства. Судьба разбросала их по всей стране, ближнему и дальнему зарубежью. Назовем некоторых из них [Там же].

Сыновья Павловых. 1930-е гг.

Старший сын Леонид Федорович (1901–1980 гг.) до Великой Отечественной войны работал в Старом Осколе на почте. Во время эвакуации спецпочты и важных документов через Дон чуть не утонул, так как не умел плавать. Спас его сослуживец. После войны некоторое время работал министром связи Литовской ССР, а затем директором Вильнюсского почтамта, одновременно оставался заместителем министра связи до ухода на пенсию. Похоронен в Литве.

Виталий Федорович (1903–1985 гг.) учился в Москве, работал на Крайнем Севере геодезистом. Кандидат геодезических наук, доцент, преподаватель Московского института геодезии и картографии. Соавтор нескольких учебников по практической геодезии. Похоронен в Москве.

Владимир Федорович (1909–1969 гг.) окончил Воронежский сельскохозяйственный институт, работал геодезистом в Московской организации, связанной со строительством АЭС. Сын Дмитрий (1949 г.р.) в настоящее время работает начальником лаборатории в НИУ «Курчатовский институт».

Константин Федорович (1907–1994 гг.) окончил Воронежский химико-технологический институт. До Великой Отечественной войны работал преподавателем химии в Старооскольском геологоразведочном техникуме по приглашению директора Ивана Тимофеевича Курчина. В 1941 г. Константин Федоровича направили в Казань на авиационный завод № 16. По возвращении в Старый Оскол в 1945 г. он снова стал

работать в техникуме, создал отличную химическую лабораторию. Работал до выхода на пенсию.

Дочь Павловых Александра Федоровна (1914–2002 гг.) жила в Старом Осколе с мужем Григорием Ивановичем Чуриковым.

Александра Федоровна окончила Воронежский медицинский институт, работала в Старом Осколе детским врачом в детских яслях. Григорий Иванович некоторое время работал путейцем на железной дороге, окончил второй институт и с 1936 г стал работать преподавателем в Старооскольском геологоразведочном техникуме, преподавал теоретическую механику, сопротивление материалов и другие предметы.

Во время Великой Отечественной войны Григорий Иванович воевал на фронте, имел боевые награды, а Александра Федоровна работала в военном госпитале – лечила раненых советских солдат.

После войны Александра Федоровна переквалифицировалась и работала в кожевдиспансере до выхода на пенсию. Григорий Иванович продолжал работать преподавателем в техникуме до 1966 г.

У Чуриковых было четверо детей. Жили Чуриковы в слободе Стрелецкой на улице Курортной. В дедовском доме, хорошо отремонтированном и вновь перекрытом, живет сегодня внук Виктор Игоревич Иванов – правнук Павловых.

Г.И. и А.Ф. Чуриковы с сыновьями и внуками. 1965 г.

В настоящее время прямых потомков Ф.Д. и А.Г. Павловых в живых 38 человек, в том числе внуков – 6, правнуков – 18, праправнуков – 14 человек [Там же]. Из них в Старом Осколе живут 13 человек, в том числе один внук – Владимир Григорьевич Чуриков (1951 г.р.), сын Александры Федоровны и Григория Ивановича Чуриковых. Имеет высшее образование. Долгое время жил и работал на Украине. В Старый Оскол вернулся в 2000 г., работал главным энергетиком на предприятиях города. В настоящее время на пенсии, имеет двоих детей, воспитывает внука Максима.

Завершая статью, следует сказать, что жизнь Федора Дмитриевича Павлова, вся его многолетняя педагогическая и общественная деятельность, его беззаветная преданность народному образованию, безупречная репутация и глубокое уважение к нему старооскольцев являются ярким свидетельством его повседневного гражданского подвига на ниве народного просвещения, во

имя настоящего и будущего нашей страны, во славу родного города.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив М.И. Емельяновой. Фонд «Народное образование № 2».
2. Архив М.И. Емельяновой. Аудиозапись № 1. «Воспоминания А.Ф. Чуриковой».
3. Архив М.И. Емельяновой. Аудиозапись № 2. «Воспоминания К.Ф. Павлова».
4. Архив В.Г. Чурикова.
5. Государственный архив Белгородской области (ГАБО).
6. Курский адрес-календарь. 1909-1916 гг. Курск, 1916.
7. Мелентьев Р.И. Городок провинциальный (Записки старожила). Старый Оскол: Изд-во редакции газеты «Оскольский край». 2009.
8. Коркешкин П.К. Жизнерадостные ребята // Путь Октября. 1944. 5 сентября.

Е.А. Пушкаренко

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Пропаганда двух воюющих сторон, помимо тем антисемитизма и антисоветизма, активно эксплуатировала гендерную проблематику. Женщины играли огромную роль в военной экономике, на фронте и в тылу СССР и Германии, поэтому с началом войны они становятся целевой аудиторией многочисленных и разнообразных пропагандистских акций и обращений. При этом следует различать материалы пропаганды, обращенные к собственной и вражеской аудитории.

Немецкая пропаганда использовала образ женщины-матери, выполняющей свои традиционные функции в семье: рождение и воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, хранение и поддержание семейного очага. В материалах пропаганды особо подчеркивалось, что именно национал-социалистическое правительство Германии постоянно улучшает социально-правовой статус немецкой женщины, позволяя ей оставаться матерью и женой даже в условиях военного времени.

Признавалось, что хотя труд немецких женщин и используется в военной промышленности «рейха», германское правительство не забывает о необходимости решения множества социальных вопросов, улучшающих их жизнь. Немецкие женщины, изображенные на плакатах, являются собой образец молодости, красоты и здоровья. Они готовы исполнить свой долг перед «рейхом» и в семье, и на производстве, и на военной службе.

Немецкая пропаганда проводила сравнение положения советских и немецких

женщин. Наиболее распространенной темой в пропагандистских материалах была «Женщина в Германии и СССР» [1, с. 265]. Немецкая семья и условия жизни и труда в нацистской Германии объявлялись эталоном для советского населения оккупированной части страны; он должен был привлечь свежие (и что самое главное – бесплатные) рабочие кадры с Востока. Семья, дети, домашний очаг – вот образ жизни немецких женщин и их ценности, словом, все то, чего лишила советская власть женщин в СССР. Распространенным пропагандистским ходом было также цитирование выдержек из писем «остарбайтеров», попавших на работу в Германию. Они изобиловали сведениями о прелестях жизни простых тружениц в «Новой Европе», о системе социальных гарантий для работниц, прибывших с Востока [2, с. 35]. В целом вопросам защиты материнства и детства, сохранения семейных ценностей, улучшения правового статуса женщины в материалах пропаганды уделялось существенное внимание.

Немецкая пропаганда подчеркивала, что в советской стране женщина полностью утратила свой прежний статус хранительницы семейного очага, а также традиционную роль женщины-матери, главными жизненными задачами которой являются рождение и воспитание детей, обустройство дома, забота о муже и семейном очаге.

Советские женщины стали особым объектом немецкой пропаганды. В своих основных тезисах она исходила из того, что во время осуществления индустриализации потребовало привлечения в промышленность и на производство миллионов женщин. Традиции русской патриархальной семьи были утрачены, а эмансипация обернулась новым «закрепощением» в колхозе или на заводе. Именно эти нюансы активно эксплуатировались в таких разделах немецкой пропаганды, как антисоветизм и вербовка «остарбайтеров» [3, с. 109]. В поисках добровольцев, желающих поехать на работу в Германию, пропагандисты прибегали к различным уловкам. Утверждалось, что именно Германия – страна истинного социализма, а немецкое правительство осуществляет меры социального характе-

ра, в частности оказывая поддержку матерям в содержании и воспитании детей [4, с. 100]. Адресованная молодым советским женщинам пропаганда утверждала, что советская власть отнюдь не уравнила женщин в правах с мужчинами, т.к. теперь на женских плечах, помимо домашнего хозяйства, лежит обязанность работы на заводе или в колхозе. Советская женщина лишена радости материнства, поскольку не может полноценно и самостоятельно воспитывать и растить своих детей, — этим занято государство. Объявленное равенство в правах с мужчинами стало для советских женщин кабалой, государство использует их труд в тяжелой промышленности с вредными условиями труда, а все это негативно отражается на женском здоровье. Теперь женщины в СССР даже более не свободны, чем раньше, утверждала немецкая пропаганда, их грубо использует и обманывает советская власть. «Отсутствие «женского вопроса», о чем кричали коммунисты, и борьба за «освобождение» женщин привели к тому, что советская женщина работает наравне с мужчиной и так же, как и он, имеет «шанс» попасть в лапы НКВД», — говорилось в одном из типичных пропагандистских материалов оккупантов [5, с. 82–86].

Советская пропаганда также использовала классический образ-архетип матери («Родина-мать зовет»), призывающей спасти Отечество от фашистских захватчиков. Ее лицо исполнено праведного гнева и силы, готовностью пожертвовать собой ради спасения Родины. В ее чертах угадываются исторические прототипы Марфы-посадницы и Василисы Кожинной.

Другим, не менее распространенным, стал образ женщины — боевой подруги, заменившей своего мужа у заводского станка. Она готова терпеть трудности и лишения, чтобы приблизить долгожданную победу.

Известно, что советские женщины были задействованы в работе медико-санитарной службы, участвовали в боевых действиях. Однако на советских плакатах мы не увидим женщину-летчицу или женщину, управляющую танком. Но почему? Ответ —

очевиден. Отсутствие таких образов само по себе выполняло пропагандистскую задачу. Ведь присутствие женщин на фронте говорило о том, что советская сторона испытывает нехватку в боях-мужчинах.

Еще одним типичным агитационным художественным образом, помимо «боевой подруги» и «Родины-матери», стал «жертвенный» образ советской женщины. Она обращается к бойцам и офицерам Красной армии с просьбой защитить ее и ее детей от насилия и поругания со стороны фашистских оккупантов. Однако в ее изображении не видно признаков жертвы; у нее прямой взгляд, гордое выражение лица, говорящее о силе духа и готовности бороться до конца.

В целом образы женщины, используемые советской пропагандой в военное время, не выходили за рамки общей идеологической направленности. Советская женщина — свободна, хозяйка своей судьбы, она может учиться и работать, ей по силам любые цели, она не испытывает никаких ограничений по сравнению с мужчиной. С началом войны она готова заменить ушедшего на фронт мужа на тяжелом производстве, сесть за трактор, трудиться в колхозе. Она не будет просить пощады у ненавистных поработителей и готова внести свою лепту в приближение победы. Это отнюдь не женщина-«самка», которой по сути стала германская женщина по воле национал-социалистов, открыто призывавших своих соотечественниц «не отказывать немецким солдатам, уходящим на фронт». Как известно, в конце 30-ых годов, а особенно с началом Второй мировой войны, нацистское правительство активно решало демографическую проблему. Воюющему «рейху» нужны были новые и новые солдаты. Тогда-то и были отброшены стереотипы традиционного патриархального общества, и пропаганда поощряла рождение детей даже вне брака от случайных связей. Главное, чтобы родившиеся дети были потомками «истинных арийцев».

Реальная политика оккупантов, их звериная жестокость по отношению к гражданскому населению сводили все усилия многочисленных отделов пропаганды к нулю. Реализации немецких планов по привлечению большего числа рабочих рук

с Востока не помог и гендерный подход в идеологической работе. Актуализация «женского вопроса» оказалась малоэффективной. Тем не менее, до конца войны немецкая машина пропаганды продолжала работать, создавая идеализированный образ «Новой Европы», построенной на принципах гуманизма и сотрудничества, признании прав и свобод женщин, сохранении института традиционной семьи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des "Auslandereinsatzes" in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Berlin, 1985.
2. Герцштейн Р. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск: Фирма «Русич», 1997. – С.35.
3. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). Фонд 370. Описание 1. Д. 1. Л.109.
4. Белорусские остарбайтеры. Документы и материалы: В 2-х кн.: Нац. архив Республики Беларусь и др. Ред.: В.И. Адамущко и др. Мн.: НИАРБ, 1995. Т.1.
5. Мигунова Е.А. Белорусские «остарбайтеры» и пропаганда немецкой оккупационной власти в 1941–1944 гг. // Вести Белорусского государственного педагогического университета. 1998. №1. С. 82–86.

А.А. Рубежанская

ГОДОНИМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ГОРОДА СТАРОГО ОСКОЛА

«Ткань» любого города несет на себе следы исторических событий, смены власти, подданства (включение в различные территории). Городская топонимика, пожалуй, острее и быстрее реагирует на изменения: в ней могут отражаться как исторические вехи в освоении территории, так и желание тех или иных сообществ запечатлеть в ней важные события или увековечить исторические персоналии.

В данной статье мы проследим во временной перспективе и проанализируем процесс переименования улиц Старого Оскола в пределах его исторического центра (улиц Ленина, Октябрьской, Пролетарской, Революционной, Володарского, Комсомольской)¹. Многие из них за время своего существования сменили несколько названий.

Процесс образования сетки улиц исторического центра Старого Оскола в том виде, в котором мы знаем ее сейчас, затрагивает последнюю четверть XVIII века и имеет непосредственную связь с градостроительной реформой Екатерины II. Самую раннюю дошедшую до нас карту-схему города относят к 1767 году, более подробную – к 1774 году [5, с. 176]. В 1784 году согласно Указу «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо», подписанному Екатериной II 25 июля (5 августа) 1763 года, составляется топографический план для Старого Оскола. Город стал одним из более чем четырехсот населенных пунктов, для которых были составлены генеральные планы, разработанные на основе типовых проектов. Реформа Екатерины II являлась частью общемировой тенденции², была призвана бороться со сво-

бодной планировкой городов и содействовать замене ее на застройку регулярного типа. Кроме того, власти «настаивали на том, что исторический тип застройки не отвечает изменившейся экономической роли русских городов» [1].

Ко времени утверждения генерального плана Старого Оскола, город, по сути, не имел упорядоченной планировки, центром служили старые крепостные сооружения, от них «в разные стороны расходились городские слободы в основном с одноэтажными деревянными домами, огородами, не замощенными грязными улицами» [6, с. 22]. Однако утверждать, что город основывался без плана, нет возможности. Так, в историческом описании истории Старого Оскола, составленном А.П. Синдеевым к празднованию 300-летия города, говорится о порядке закладки крепостей на порубежных Московскому царству территориях (одной из которых была крепость Оскол). Создание укрепления сопровождалось чертежом, на котором обозначалось место расположения «крепости, вала, тайников (подземных ходов к реке), башен для орудий, церквей и пр.» [Там же, с. 9].

До перепланировки «расположение построек было совсем неправильное и беспорядочное, улицы были кривые, неодинаковой ширины и пересекали друг друга под тупыми и острыми углами. Городские площади были неправильной формы и во многих местах были заострены... Узенький и грязный переулочек вел с нижней площади к Успенской церкви» [Там же, с. 22]. Дворовые постройки на территории посада также не имели строгой планировки. «Располагались они нерегулярными квадратами, внутри которых находились огороды и сады. Между кварталами – улицы и переулочки, не имевшие названий» [5, с. 179].

Некоторый элемент хаотичности топографии населенного пункта придавал характер рельефа и климатические условия территории. Однако особенности местного рельефа в основном и повлияли на решение строить крепость именно здесь: «Высокая и круто спускающаяся к югу, востоку и западу

¹ Речь пойдет о так называемых «годонимах» – топонимах для обозначения названий улиц.

² Самым ярким и знаменитым проявлением этого тренда стала перестройка бароном Османом города Парижа.

(именно в те стороны, откуда являлся неприятель), гора делала крепость неприступной и в то же время удобной для наблюдения за степью... благодаря положению, открывалась громадная даль почти во все стороны» [6, с. 9].

Элемент неупорядоченности, привнесенный в городскую ткань профилем поверхности, изначально содействовал более эффективному освоению территории: «Расположение кварталов, на первый взгляд хаотичное, все же имело определенную планомерность и направленность. Жилые постройки возводились с учетом местной системы ветров, рельефа местности и сохраняли прежний служебный принцип десятков, сотен и церковного прихода» [5, с. 179]. Однако со временем особенности территории перестали играть столь важную роль, местное население начало активно переделывать окружающую среду под свои нужды (например, озеро Мокрое, которое находилось внутри крепости, было осушено).

На неупорядоченность застройки, с которой столкнулись в конце XVIII века, могли также повлиять множественные исходы из крепости в предыдущем столетии служилых людей с семьями под угрозой нападения и разорения домохозяйств, что сопровождалось разбором и переносом жилищ. Воеводы же, в свою очередь, стремились привлечь служилых людей назад, на территорию крепости, строя для них новые дома. В 1624 году эта затея кончилась тем, что «оскольчане большую часть построек разобрали и перенесли на новые дворовые места, а часть продали» [Там же, с. 70]. Многочисленные волны переселений с территории крепости не могли не сказаться на упорядоченности ее застройки.

На плане от 6 января 1784 года, утвержденном Екатериной II, прямоугольники кварталов, наложенные на «живую» карту Старого Оскола с неровными границами участков [Там же, с. 181], выглядят как нечто привнесенное искусственно, как инородное наслоение на естественной ткани города, коим оно по факту и было. С момента утверждения генерального плана Старый Оскол приобретает «черты регулярного города», «начинается планировка, сопровождающаяся выпрямлением улиц, дома выстраиваются по одной линии фасадом на улицы»

(там же). На плане города, относящегося к следующему, 1785 году [Там же, с. 183], на очертания рельефа наложены только границы кварталов без продолжающей существовать на тот момент действующей городской разметки.

Общим планированием дело не закончилось. Дальнейшие события развивались следующим образом: в город были присланы землемеры, которые перешли к составлению планов индивидуальной застройки новых мест; «ветхие постройки ломались, а новые оставались на месте, если соответствовали плану и переносились на вновь указанные места в случае несоответствия Указу. Возводить новые строения позволялось только на указанных в плане местах» [Там же, с. 182].

В ходе переустройства Старого Оскола регламентации подвергался не только общий план поселения, но и принцип расположения домов (каменных и деревянных) в кварталах и материалы, из которых разрешалось возводить постройки. «Такие строгие архитектурные условия объяснялись прежде всего противопожарными мерами». Однако, несмотря на строгую регламентацию, в докладах губернских властей XIX века встречаются замечания о том, что «многие дома построены не по Величайшему утверждению фасадом и есть между ними лачужки совершенно безобразного виду... на некоторых домах и на всех вообще надворных постройках крыши деревянные и соломенные... сами дома или совсем не окрашены или дурно вымазаны глиной» [Цит. по: 5, с. 290].

Радикальное переустройство города не могло не вызвать сопротивления местных жителей. Так, А.П. Синдеев отмечает: «время перестройки города по новому плану, продолжавшейся более десяти лет, с обязательным расселением обывателей на вновь избранных или указанных местах, с постройкой новых и уничтожением или переносом старых домов, не легко легло как на жителей, так равно и на начальство города и не обошлось, вероятно, без неудовольствий, споров, ссор и пр.» [6, с. 23]. По всей видимости, именно такой спор и произошел между жителями слободы Казацкой и исполнителям генерального плана. Правда оказалась на стороне старожилов, и запланированное ранее место для кладбища было

перенесено в более удобное для жителей слободы [5, с. 182]. Недовольство, в частности, высказывал арендатор ярмарочной площади, чьи «плетневые лавки» согласно плану были снесены в 1787 году [6, с. 23].

В основу планировки Старого Оскола был заложен квартальный принцип. Город был разбит по линейке на 30 правильных прямоугольных кварталов [СОКМ КП 340], большинство которых оказались равнозначны по размеру. Кроме того, на новом плане были обозначены 19 улиц и 2 площади [5, с. 182]. Именно в описываемый период в Старом Осколе появляются улицы, привычные для нашего понимания: прямые, четко ориентированные, пересекающиеся под прямым углом.

Несколько улиц Старого Оскола получили свои названия по основным проездам между старыми, еще не перепланированными кварталами, которые именовались обычно не улицами, а дорогами по направлению – Курская, Воронежская, Белгородская [Там же, с. 179]. План города 1784 года явно указывает на то, что центральная улица Курская (современная улица Ленина) во многом совпадает по направлению с одной из старых улиц, тем самым «узеньким грязным переулком», связывавшим Нижнюю площадь и Успенский храм. Отметим также, что начало этой транспортной артерии в районе современной улицы Володарского совпадает с заложенными здесь еще при основании крепости Курскими проезжими воротами, которые сохраняли место своего расположения и название, несмотря на многочисленные перестройки крепости и разрушавшие ее пожары (Там же, с. 65). В 1918 году улица Курская была переименована в улицу Интернациональную в связи с 1-ой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции [Там же, с. 513], а затем, в 1960 году, в «Ленина» в честь 90-летия со дня рождения В.И. Ленина [Там же, с. 549].

Еще две улицы, получившие свои названия по крупным городам, – это Воронежская (современная улица Пролетарская – с 1918 года) и Белгородская (переименованная одновременно с вышеупомянутой ули-

цей в Комсомольскую). Бывшая улица Воронежская некогда была рвом, по которому действительно шел путь в Воронеж. Этот ров со временем засыпали и превратили в улицу.

Главные направления дорог Оскольского края определились еще в XVII веке [Там же, с. 254]. У местных жителей были неоднозначные отношения с большими транспортными артериями. Соседство с оживленными дорогами не всегда было во благо. Отмечались случаи переноса жилищ подальше от проезжих дорог по причине опасения местных жителей за свою жизнь и сохранность имущества, поскольку по дорогам часто передвигались люди военные, чинившие разбои и нападения. К XIX веку ситуация изменилась, и для поселений стали характерны линейные формы развития – вдоль больших трактов. Все чаще населенные пункты стали формироваться по уличному плану, хотя в планировке долго сохранялись устойчивые традиционные формы, особенно в старых селениях государственных крестьян» [Там же, с. 294].

Связующие транспортные сухопутные артерии были очень важны для экономики города. С начала своего образования Старый Оскол имел тесные торговые связи со многими городами, по трактам перевозили грузы и почту¹. В XVII веке из Воронежа в Старый Оскол поставлялось железо, каючая рыба, соль, из Курска – яблоки и холсты. В XVIII веке по воронежской дороге город продолжал снабжаться солью (Там же, с. 248), однако в конце XIX столетия Воронежский тракт утрачивает эту прерогативу, поскольку большая часть перевозок соли начинает осуществляться по железной дороге [Там же, с. 375].

Целый ряд улиц исторического центра города называли по именам находящихся здесь церквей.

Улица Косьмодемьянская – современная Коммунистическая (с 1918 года). Стоявшая здесь на пересечении с Белгородской (Комсомольской) улицей Покровская церковь имела второе, вероятно, более раннее название. Косьмодемьянская – поскольку один из престолов храма был освящен во имя Свя-

¹ Старооскольские ямщики обеспечивали почтовый тракт между Осколом и Валуйками.

тых Бессребреников и Чудотворцев Казьмы и Домиана.

Улица Михайловская – современная Революционная (с 1918 года). Называлась так по Благовещенско-Михайловской церкви, стоявшей на пересечении с улицей Курской (Ленина). Церковь была построена в 1809 году [5, с. 422], однако есть сведения о том, что раньше она размещалась на Нижней площади и была перенесена на свое место по «Высочайше утвержденному в 1784 году плану» [6, с. 21]. Небезынтересно отметить, как воспринимается переименование улицы современником события: А.П. Синдеев в «Кратком историческом очерке города Старого Оскола» наименование этой улицы «Михайловской» считает неправильным¹ (возможно в этот период «Михайловской» продолжают называть современную улицу Володарского) и пишет о ней как о «Панской». Возникновение топонима «Панский (-ая)» связывают с привлечением для службы в крепость в 30-х годах XVII века украинских казаков и распространенным у них (как и у поляков) обращением «пан» [5, с. 71].

Улица Успенская – современная Октябрьская (с 1918 года). Получила свое название по стоящей на пересечении с улицей Курской церкви Успения Пресвятой Богородицы, строительство каменного здания которой относят еще к 1765 году (Там же, 421), и при которой до 1764 года был женский Успенский монастырь [8, с. 14].

Улица Никольская (Николаевская) – современная Володарского (с 1918 года). По всей видимости, еще в конце XVIII века эту улицу некоторые местные жители называли «Михайловской» по располагавшейся здесь Благовещенско-Михайловской церкви. Однако с переносом ее на другое место улицу начинают называть по стоящей здесь Казанско-Николаевской церкви, построенной в 1802 году на месте деревянного храма [5, с. 169], который был заложен еще во времена строительства крепости.

Фотографии видов города, сделанные с начала и до 30-х годов XX века, демонстрируют, насколько сильной архитектурной доминантой были храмы Старого Оскола.

Этажность колоколен и размеры церквей намного превышали аналогичные всех других строений города. Первоначальный проект колокольни Казанско-Николаевской церкви, например, предполагал наличие 4-х ярусов, а по высоте она должна была составлять около 95 м [Там же, с. 418].

Именно из-за высоты колоколен с них часто вели съемку панорам города. Это заметно по многим фотографиям Старого Оскола и городских окрестностей, которые стали в больших количествах делать с начала XX века. Первый опыт фотофиксации оскольских пейзажей относится к концу XIX века, когда харьковский фотограф Данилевский вместе с оскольским фотохудожником Никитиным отсняли фотографии с видами города. На их основе в дальнейшем были изготовлены открытки [4, с. 32]. Характер фотоизображений Старого Оскола начала XX века мало отличался от общей тенден-

¹ Текст относится к концу XIX века, таким образом прошло уже почти 100 лет со строительства храма.

ции фотографирования городов: фотографии делались с максимально высокого (или приподнятого) места, запечатлялись значимые постройки, мосты, общественные места, главные улицы [3, с. 64].

Две фотографии, сделанные в разное время из одной точки – колокольни Ямской церкви, – хорошо иллюстрируют вышесказанное [СОКМ КП 1125, 1126]. Пейзаж отличается разительно именно из-за отсутствия на фотографии 1957 года архитектурных акцентов в виде храмов с колокольнями.

Доминирование церквей в архитектурном ландшафте Старого Оскола являлось прямым физическим отражением их влияния на общественную жизнь местного населения. Опыт строительства и функционирования православных храмов в том виде, в котором он существовал вплоть до революции, – ценный источник форм общественной самоорганизации.

Церкви Старого Оскола и территории вокруг них были центрами концентрации разнообразных видов деятельности местных жителей. Храмы становились не только местами сосредоточения приходской жизни, вокруг них формировались торгово-общественные центры. Один из таких центров находился в районе, примыкающем к Благовещенской церкви и Николаевскому храму: «здесь располагались торговые лавки, питейные заведения, постоялый двор и харчевня» [1, с. 179]. Другой торгово-общественный центр сформировался недалеко от Успенской церкви [Там же, с. 249]. Храмы с церковно-приходскими школами при них являлись также образовательными центрами города. Стоит отметить, что большинство храмов в городе и уезде строилось за счет прихожан (Там же, 498). Действующих православных храмов в дореволюционный период в Старооскольской округе было в общей сложности 71 [Там же, с. 499].

Краткий экскурс в историю топонимов исторического центра Старого Оскола показывает, что две основные тенденции в наименовании улиц заключались в назывании их по направлениям и по находящимся здесь

храмам. Первое массовое переименование улиц Старого Оскола относится к 1918 году, когда в честь первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции новые названия получили все центральные улицы.

Мы предлагаем рассматривать изменения в топонимике улиц как проявление стремлений советской власти к символическому присвоению пространства города. Советская власть использовала все доступные рычаги воздействия, в первую очередь те, которые имели символическую ценность, и одновременно отнимала их у церкви, поскольку ее влияние в дореволюционный период «было значительным и не только в нравственном плане, в вопросах брака и семьи. Церковь частенько была второй негласной административной властью» [1, с. 162-163]. Была искусственно создана во многом парадоксальная ситуация: храмы города оставались действующими, общественная жизнь вокруг них не прекращалась, однако примыкающие к церквям улицы – артерии городской системы – населению уже предписывалось называть и, как следствие, воспринимать совершенно по-другому. Вторя Шарон Зукин, можно сказать, что советская власть вступила в конкуренцию прежде всего с церковью, «как за определение символов, так и за пространства, куда эти символы можно поместить» [9, с. 170]. Эта конкуренция вылилась в физическое уничтожение церквей на территории города в 30-е годы XX века.

Обращает на себя внимание массовость и скорость¹ переименования улиц в Старом Осколе. Виной тому служит сам характер понятия «улица»: в отличие от архитектурных объектов (из которых по большей части состоят города) оно имеет несколько более текучую и аморфную природу и легко воспринимает новый нарратив. Это позволило сделать улицы быстрым, дешевым и действенным инструментом влияния на сознание масс. Таким образом новая власть стремилась к встраиванию себя в уже сложившуюся городскую «ткань»², а улицы, получившие новые «просоветские» назва-

¹ Пожалуй, топонимика ни одного существовавшего при утверждении советской власти города не избежала такой участи. Однако во многих городах это процесс был гораздо более медленным

² Анализ воздействия политики на физическую «ткань» города, в том числе архитектурные и скульптурные объекты, удачно представлен в выпуске №34 круглого стола «Открытый форум» «Архитектура и скульптура как факторы политической идентичности», Москва, май 2010 года.

ния, использовались ею как средство формирования политической идентичности местного сообщества. Переименование улиц в Старом Осколе, которое произошло в 1918 году, можно рассматривать как инструмент политического влияния на местном уровне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бордунова И.Р. Кормчая книга русского градостроительства // Журнал «Территория и планирование» 2012 №4(40) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://terraplan.ru/arhiv/78-4-40-2012/143-kormchaya-kniga-russkogo-gradostroitelstva.html>.
2. Зукин Ш. Культуры городов. М.: НЛЮ, 2015.
3. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: StrelkaPress, 2014.
4. Мелентьев Р.И. Городок провинциальный (Записки старожила). Старый Оскол: Издательство редакции газеты «Оскольский край», 2009.
5. Никулов А.П. Старый Оскол. Историческое исследование Оскольского края. Курск: ГУИПП «Курск», 1997.
6. Синдеев А.П. Краткий исторический очерк города Старого Оскола. Б.м., 1893.
7. Стоит отметить, что на плане города, составленном в 1896 году, кварталов уже несколько больше (См.: Экспонаты фондов Муниципального казенного учреждения культуры «Старооскольский краеведческий музей» – СОКМ КП 340, 1125, 1126).
8. Токмаков И. Историко-статистический и археологический очерк города Старого Оскола с уездом. (Курской губернии). М.: «Русская» Типо-литография, 1894.

В. В. Юдин

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РОГОВАТОВСКОЙ ВОЛОСТИ (1917–1918 гг.)

Село Роговатое Старооскольского городского округа в XIX в. входило в состав Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. В 1864 г. была образована Роговатовская волость, границы которой со временем изменялись, но неизменно в ее состав входили: село Роговатое – как административный центр, село Россосшь, деревни Скупая Потудань и Александрово-Викторовка, хутора – Дмитриевский, Малиновский, Висленский и несколько других более мелких хуторов.

Исторически сложилось так, что в Нижнедевицком уезде основную массу населения составляли государственные крестьяне. Вполне логично, что после Февральской революции 1917 г. в уезде оказалась только одна политическая партия, представлявшая интересы среднего и зажиточного крестьянства – партия социалистов-революционеров (эсеры). Эсеры признали Временное правительство и реально взяли власть в свои руки.

В марте 1917 г. ими был создан уездный исполнительный комитет, в который вошли представители города, духовенства, служащие земства, землевладельцы и выборные сельских обществ.

21 мая 1917 г. Временное правительство опубликовало «Положение о Волостном Земстве». На состоявшемся 26 мая заседании Нижнедевицкого уездного исполнительного комитета были созданы волостные комитеты, которые должны были заменить прежние административно-хозяйственные органы управления. Летом прошли перевыборы волостных управ. Эсеры, считавшие, что власть в волости должна находиться в руках лояльных Временному правительству волостных комитетов,

повсеместно возглавили исполнительные и земельные комитеты.

В Петрограде 25–26 октября 1917 г. состоялся Второй съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который объявил об установлении советской власти. Для новой власти большое значение имел политический блок большевиков с левыми эсерами, представлявшими интересы общинного крестьянства. Однако практика первых месяцев революции показала различное понимание ими целей и методов социального преобразования общества. К тому времени на первое место выдвинулись большевики с лозунгами, намеченными В.И. Лениным в «Апрельских тезисах»: власть – Советам, национализация земли, контроль Советов над производством и распределением, упразднение профессионального чиновничества, армии и полиции. Возникшие во время первой русской революции 1905 г. Советы стали основой народовластия в России. Эсеры, в отличие от большевиков, не признавали классового принципа в решении социальных задач, не признавали гегемонии пролетариата, считали крестьянство основой класса трудящихся и движущей силой социального обновления общества. В Советах они видели организацию, способную осуществить их аграрную программу. Обе политические партии использовали эти общественные формирования для выполнения своих программных целей. И на губернской «периферии» за влияние на крестьянские массы развернулась ожесточенная борьба.

На состоявшемся 28-31 декабря 1917 г. Первом Воронежском губернском крестьянском съезде, созванном по инициативе Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов, были одобрены декреты Советского правительства о мире, утверждены инструкции о реализации Декрета о земле, об организации Советской власти и Красной Гвардии в уездах и волостях губернии. В инструкции, в частности, указывалось: «Для защиты своих интересов и управления делами деревни революционное крестьянство выбирает сельский Совет Крестьянских депутатов, который в делах своей деревни автономен, в делах же, выходящих за пределы деревни, подчиняется высшей советской организации. Волостной Совет

крестьянских депутатов является высшей революционной властью волости. Волостной Совет избирается на основании всеобщей подачи голосов всех трудовых элементов деревни обоюбого пола, достигших 18-летнего возраста и непопеченных уголовными или контрреволюционными поступками. Для защиты революции от контрреволюционных покушений, а также для поддержания порядка в деревни образуется крестьянская Красная Гвардия. Красная Гвардия состоит в ведении Совета и избирается из лучших людей деревни» [1, с. 280–283].

Во исполнение решений губернского крестьянского съезда в Нижнедевицке 10-15 января 1918 г. состоялся уездный крестьянский съезд. В решении съезда отмечалось, что «...Съезд приветствует временное рабочее и крестьянское правительство в лице Народных Комиссаров как действительную власть рабочих и крестьян, созданную Октябрьской Революцией», и было принято решение «...организовать в уезде и на местах Советскую власть» [2].

21 января 1918 г. в селе Роговатое из 26 представителей жителей волости был образован Роговатовский волостной Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. В его состав вошли от с. Роговатое – 16 человек, с. Россошь – 8 человек, х. Дмитриевский – 2 человека. В тот же день прошло первое заседание Совета.

В феврале-марте структура Роговатовского волостного Совета организационно сформировалась. Были определены отделы, которые начали работу. Решением от 2 апреля 1918 г. был изменен состав волостного исполнительного комитета (ВИКа), хотя срок полномочий первого состава комитета истек только в мае. Но, видимо, на это были причины. По воспоминаниям современника, «...члены сельского совета избирались сотнями, и их было десять человек, но большинство из них не работало. Просто не хотели по незнанию дела, а работа проходила в очень трудных условиях». Вместо выбывших членов ВИКа избирались новые. Персональный состав Роговатовского волостного Совета и его исполнительного комитета в 1918 г. изменялся, как минимум, четыре раза.

Весной 1918 г. Совет решал неотложные экономические проблемы деревни. Требова-

лись деньги на содержание работников Совета, больниц, школ, Красной Гвардии, приобретение хлеба и инвентаря. Для получения средств Совет вводил местные налоги. При этом Совет не выходил за привычные рамки общинной жизни, и его налоговая деятельность не подрывала финансовой основы крепких крестьянских хозяйств. Практически все резолюции роговатовского Совета за 1918 г свидетельствуют о хозяйственных проблемах, а вопросы же гражданских прав и представительной демократии крестьян не волновали. Новые органы власти работали неумело, постоянно проходили замены руководящего состава. Обсуждение важных вопросов носило митинговый характер, многие решения не выполнялись. Тем не менее, помещичьи хозяйства поделили быстро. Разделы проводились в основном по числу едоков, что отвечало бедняцкому пониманию равенства. Однако беднота, даже получив землю, не в состоянии была не только создать товарное хозяйство, но и полностью обеспечить свои семьи, поскольку бедняки почти не имели инвентаря, скота, семян. Этим воспользовались «крепкие» хозяйства, которые попытались забрать в свои руки только что распределенную землю. В новые органы власти пошли первые жалобы о злоупотреблении ее представителей. Нарастала социальная напряженность.

Необходимо отметить, что из-за почти полного отсутствия коммунистов на селе первые составы волостных и сельских Советов были общекрестьянскими, избирались напрямую населением, поэтому влияние большевиков на ход событий было незначительным. Преобладание беспартийных – характерная черта первых крестьянских Советов, отражавшая слабую политизацию деревни. Советы на селе в этот период находились в стадии первоначальной организации, но не под контролем большевиков, а под влиянием их программных обещаний.

Основную массу жителей Роговатовской волости составляли хозяйственно состоятельные крестьяне, имевшие хорошо налаженное хозяйство. Население считалось в округе достаточно богатым, благополучным, на революционные события у них была своя точка зрения. Перевыборы Совета в апреле – мае 1918 г. показали сдвиг настроений вправо: несмотря на все усилия советской

власти по привлечению в советы бедняков, крестьяне выдвигали крепких хозяев. Так, в одном из циркуляров большевиков указывалось: «В последнее время наблюдаются неоднократные попытки зажиточных и кулацких слоев деревни захватить в свои руки Советы путем участия в выборах и даже в работе сельских, волостных и уездных Советов. Советы на местах, особенно волостные и сельские, часто не обращают на это должного внимания и относятся к таким явлениям с недопустимой снисходительностью» [3; 4, с. 2]. Нельзя не признать, что административная и агитационная работа большевиков в уезде дала эффективные практические результаты. Уже на Пятом Нижнедевицком Чрезвычайном съезде Советов, открывшемся 1 ноября 1918 г., из 212 делегатов 152 человека представляли РКП(б) и ей сочувствующих, 40 – левых эсеров, 16 – беспартийных и 4 – народников-коммунистов [5].

По решению вновь избранного уездного Исполкома о проведение срочных, до 1 декабря 1918 г., пере выборов волостных и сельских советов, избирательные комиссии (в их составе оказались значительное число представителей партячек и комбедов) тщательно готовили списки избирателей, не допуская в них лиц, лишенных избирательных прав по Советской Конституции. Они же намечали кандидатов в Советы, в основном из бедняцко-среднецацких слоев деревни. Взять под жесткий контроль деятельность Советов по выполнению директив партии означало осуществить «большевизацию» новых органов власти. К концу 1918 г., по нашему мнению, «большевизацию» советской вла-

сти в Роговатовской волости можно считать состоявшейся.

Публикуемые документы Роговатовского волостного Совета крестьянских и солдатских депутатов (см. Приложение) находятся на хранении в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и представляют собой рукописные заверенные копии с оригинала. Копии изготовлены в мае – октябре 1918 г. делопроизводителями Роговатовского Волсовета по требованию уездных советских структур для отчета в вышестоящие организации. Исполнены копии на отдельных листах белой линованной бумаги, написаны чернилами металлическим пером, имеют только архивную нумерацию страниц. Документы публикуются с сохранением орфографии и стилистики оригинала. В квадратные скобки помещены фрагменты, не доступные для прочтения. Некоторые изменения формата публикуемого материала носят исключительно технический характер. Документы публикуются впервые.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии 1917-1918 гг. Воронеж, 1957.
2. Известия Воронежского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1918. 20 января.
3. Воронежский Красный листок. 4 июля 1918.
4. Вестник НКВД. 1918. № 18/19. С. 2.
5. Известия Нижнедевицкого уездного исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 24 октября.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОПИИ ДОКУМЕНТОВ

**Журнал
Роговатовского волостного земского
Собрания на 27 ноября 1917 г.**

В заседание прибыли:

Председатель собрания священник Владимир Дмитриевич Шакин и 28 земских гласных: Фомин Тихон Иосифович, Фомин Григорий Петрович, Потапов Марк Федорович, Фомин Федор Осипович, Исаков Игнат Васильевич, Степкин Анисим Иванович, Плутахин Андрей Григорьевич, Хадеев Афанасий Сергеевич, Анисимов Демьян Васильевич, Халеев Егор Меркулович, Нечаев Дмитрий Петрович, Нечаев Иван Михайлович, Сериков Иван Антонович, Халеев Константин Иванович, Нечаев Яков Михайлович, Крюков Григорий Тимофеевич, Кранин Федор Трофимович, Анненков Иван Григорьевич, Старцев Федор Симонович, Лавренев Василий Матвеевич, Понарин Федот Трофимович, Батищев Илья Евлампиевич, Кирилов Петр Кирсанович, Кирилов Иван Егорович, Таратунин Автомон Михайлович, Шипилов Ларион Дмитриевич, Колыбелкин Ермолай Иванович, Ченцов Николай Сергеевич.

Председатель Собрания Шакин объявил заседание Собрания открытым.

Секретарем Собрания единогласно избран гласный Иван Антонович Сериков.

1) Слушан доклад волостной земской управы № 6 с представлением сметы расходов волостного земства на 1918 год, исчисленных управою в сумме 27 808 руб. 33 коп. подробно рассмотрев смету расходов Собрание единогласно **ПОСТАНОВИЛО**: исчисленную управою по п. II сумму сметных расходов на 1918 г. в размере 22 100 уменьшить на 5830 руб. по следующему расчету: с жалования секретаря волостной земской управы — 600 руб., делопроизводителя волостной продовольственной упра-

вы — 600 руб., с 2 писцов — 840 руб., с ремонта здания управы — 590 руб. и с содержания земской почты 320 руб., а смету расходов по остальным п. V, VI, XII, XIII и XV в сумме 5708 руб. 33 коп. оставить без изменения. Таким образом, все сметное исчисление по означенным параграфам выразится в сумме 21 978 руб. 33 коп., каковая сумма расходов Собранием признается основательной сметой расходов с приложением к оному сметного подробного исчисления. К сему журнальному постановлению прилагается из определенной в ст. I сметы расходов на разъезды и суточные членам управы и гласным волостного земского Собрания в сумме 1200 руб. Расход должен производится членами управы и гласными земского собрания следующим порядком: при разъездах по делам службы членов управы по одному рублю на каждого в г. Нижнедевицк и по три рубля в г. Воронеж на каждый день, а на содержание гласных земского собрания: местным жителям по одному рублю, а приезжим из с. Россошей и хуторов по два руб. суточных на каждый день их явки на земское Собрание, кроме гласных служащих в волостной управе, содержание коих в расчет статьи не входит.

2) Слушан доклад волостной земской управы № 7 об уполномочии ея на вступление в качестве члена в одно из каких-либо кредитных товариществ Роговатовской волости на получение денежной ссуды, необходимо требующейся на содержание волостного земства, согласно дополнительной сметы расходов за 1917 год. Единогласно постановлено: разрешить и уполномочить волостную земскую управу вступить в Роговатовское или Россошанское кредитное т-во в члены товарищества, откуда и взять денежную ссуду в размере полного открытого товариществом кредита или части оного на срок не более одного года, каковую ссуду и употребить на покрытие необходимых потребностей волостного земства.

Подлинное подписали:

Председатель волостного земского Собрания священник Влад[имир] Шакин.

Секретарь Собрания И. Сериков.

Председатель управы П. Фомин.

Члены Управы: И Анненков, А Хадеев, Т. Фомин, И. Нечаев.

Секретарь М. Потапов.

С подлинником верно:

Председатель Роговатовского волостного Исполнительного Комитета П. Плутахин (подпись).

Секретарь М. Потапов (подпись).

[ГАРФ.Ф. 393. Оп. 5. Ед. хр. 34. Л. 13–14]

Постановление № 1

Роговатовского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов 21-22 января 1918 года

I. Организация Совета и отношение к советской власти.

1) Выслушав ряд ораторов о текущих моментах и советской власти, Роговатовский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов постановляет: организовать советскую власть для устранения в волости развивающейся анархии, погромов и установления порядка.

2. Совет и продовольственная управа.

2) Выслушав ряд ораторов о положении продовольственного дела в Роговатовской волости, Роговатовский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов постановляет: так как деятельность членов Роговатовской продовольственной управы направлена не в интересах трудящихся, взять продовольственное дело в ведение Исполнительного Комитета, а потому, Совет выделит из среды своей комиссии по три члена совета в каждую. Комиссии должны проверить у граждан Роговатовской волости хлеб по карточной системе и наличие, а также солому и старновку. Комиссиям приступить к проверке хлеба и соломы с 25 января 1918 года.

До выяснения хлеба комиссиями снабдить голодающих граждан села Роговатого из хлеба, отобранного от погромщиков, находящегося в обществе налицо.

3. Совет и земельный комитет.

3) Роговатовский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов выслушав

ряд ораторов о положении земельного дела в Роговатовской волости, находит, что деятельность членов земельного комитета не отвечает интересам трудящихся, а потому постановил: взять земельное дело в ведение Исполнительного Комитета Роговатовского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

4. Совет и волостная земская управа.

4) Волостная земская управа всецело переходит в ведение Роговатовского волостного Исполнительного Комитета Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов согласно постановления губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

5. По текущим делам.

5) Прекратить спекуляцию частными лицами, как хлебом, так и остальными продуктами. Лиц, замеченных в спекуляции немедленно доставлять в Роговатовский Исполнительный Комитет Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

6) Реквизировать весь излишек соломы и старновки где таковая окажется по цене: средний воз хорошей соломы 2 рубля, средний воз плохой соломы 1 рубль, копна старновки 2 рубля. Немедленно снабдить топливом, т. е. соломою и старновкою нуждающихся, в особенности вдов солдаток и осиротевших лиц.

7) Душевую норму потребления хлеба установить на каждого человека в 1 пуд 10 ф[унтов] в месяц зерном, лошади 5 пудов 10 ф[унтов], курице 2 ф. в месяц.

8) Цены на хлеб оставить правительственные твердые.

9) Из реквизированного у граждан хлеба одну пятую часть оставить и засыпать в магазин бесплатно для заимообразной раздачи голодающим. Лица, получившие бесплатно хлеб из магазина, обязаны к 1-му августа 1918 года возвратить хлеб в упомянутый магазин для возвращения тем гражданам, у которых была взята одна пятая часть хлеба.

10) По отобрании вещей у погромщиков Совет всецело поддерживается п. 5 параграфа 9 постановления Нижнедевицкого Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

11) Поручить продовольственному отделу немедленно озаботиться снабжением волости необходимыми продуктами первой необходимости, как-то: керосина, соли, мануфактуры, железа и все прочее.

6. Борьба с самогоном, погромами и самосудами.

12) Роговатовский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов выслушав ряд ораторов о положении дела в волости, единогласно постановил: поддержать п. 5 параграфа 9 постановления Нижнедевицкого Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов всецело [и] утвердить.

7. Поступило внеочередное заявление членов Совета села Россошей о выдаче им и лошадям кормовых денег. Совет единогласно постановил: членам других сел и хуторов, приезжающим на заседания выдавать кормовые деньги на человека 2 руб. 50 коп. в сутки, лошади 3 рубля; на одной лошади должно приезжать по три человека.

8. Заслушан вопрос о выдаче кормовых денег членам Совета во время поездки. Совет большинством голосов постановил: члены Исполнительного Комитета, находящиеся в командировке более двух суток, получают кормовые деньги 3 руб. в сутки каждый, члены Совета, не состоящие на жаловании, получают 5 рублей в сутки.

9. Заслушав вопрос об избрании Исполнительного Комитета. По окончании прений большинством голосов постановлено ограничить число членов Исполнительного Комитета в числе шести человек, которые должны из среды своей выделить земельный, продовольственный и земский отделы.

10. Выборы Исполнительного Комитета.

13) Закрытой баллотировкой в Исполнительный Комитет избраны следующие лица: председатель Анисимов Никифор Александрович, членами: Рубцов Алексей Антонович, Борщев Стефан Павлович, Казьмин Аркадий Васильевич, Чепелев Яков Васильевич, Колесников Федор Корнилович.

14) Жалование председателю и членам Исполнительного Комитета постановлено по 80 рублей в месяц каждому.

11. О найме секретаря Исполнительного Комитета.

15) Советом предложено волостному секретарю Потапову Марк Федоровичу остаться на месте, который согласился временно остаться на месте за цену 150 рублей в месяц.

12. О найме делопроизводителя земельного отдела.

16) Советом предложено делопроизводителю Колесникову Сергею Филипповичу остаться на месте, который согласился за цену 125 рублей в месяц.

13. О найме делопроизводителя продовольственного отдела.

17) С публичных торгов нанят Нечаев Иван Михайлович за цену 80 рублей в месяц.

14. О найме первого писца.

18) Советом предложено Должикову Ивану Петровичу остаться на месте, который согласился за цену 80 руб. в месяц.

15. О найме второго писца.

19) С публичных торгов нанят член Совета Разуваев Дмитрий Стефанович за цену 33 руб. в месяц.

16. О найме волостного сторожа.

20) С публичных торгов нанят гражданин Бочаров Ефим Павлович за цену 325 руб. в год.

17. О найме земской квартиры.

21) Советом предложено гражданке Разуваевой Анне Ивановне сдать свой дом под земскую квартиру, на что она изъявила желание за цену 100 руб. в год.

18. О найме 4-х волостных лошадей.

22) С публичных торгов нанят гражданин Попов Агей Максимович за цену 685 рублей в год на каждую лошадь на условиях согласно контракта.

Председатель Исполнительного Комитета Совета Н. Анисимов.

Председатель Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов С. Борщев.

Секретарь Д. Разуваев.

С подлинником верно:

Председатель Роговатовского волостного Исполнительного Комитета П. Плутахин (подпись).

Секретарь М. Потапов (подпись).

Постановление № 2

Роговатовского волостного Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 11 марта 1918 года

На заседание прибыли: председатель комитета Н. Анисимов, члены: А Рубцов, А. Казьмин, Ф. Колесников, А. Фомин, Е. Фомин, Н. Купавцев, Т. Боев, Я. Колесников, И. Купавцев, И. Хадеев, А. Кузнецов, Д. Кузнецов, Д. Разуваев, И. Ефимов, И. Рукавицин, Ф. Волвенкин, Ф. Матвеев, Н. Захаров и М. Сидельников.

Заседание открыто председателем Н. Анисимовым. Предварительно Анисимовым внесено предложение об избрании председателя, а также секретаря данного заседания. Единогласно избрали: председатель С. Борщев и секретарь Д. Разуваев.

1) Заслушан доклад волостного земельного, продовольственного и земского отделов о их деятельности. Постановили: принять к сведению.

2) Заслушано предложение об избрании комиссара по Роговатовской волости. Единогласно постановили: избрание предоставить право волостному Исполнительному Комитету из среды своей.

3) Заслушано предложение об избрании одного члена Исполнительного Комитета. Единогласно избран Филипп Волвенкин.

4) Заслушано предложение о найме двух волостных лошадей для обслуживания волостного продовольственного отдела, по личному желанию нанят почтосодержатель Агей Максимович Попов за цену 800 руб. в год на каждую лошадь, с условием: во время поездок свыше двух суток содержание по продовольствию лошадей и ямщиков принять за счет волостных мирских сумм в размере: лошади 5 рублей, ямщику 3 рубля в сутки.

5) Заслушано предложение об избрании трех лиц в ревизионную комиссию по проверке отчетности всех отделов волостного Исполнительного Комитета, а ровно и

бывшей волостной земской управы. За исполнение этих обязанностей большинством голосов избраны: Яков Колесников, Егор Фомин, Федор Матвеев.

6) Рассмотрев смету расходов, утвержденную бывшим волостным земским Собранием по отоплению, освещению и т. п. на 1918 год, постановили:

- на покупку канцелярских принадлежностей и книг, печатание смет, раскладок, почтовотелеграфные расходы и прочее 1500 рублей;
- на застрахование зданий от огня 50 рублей;
- отопление и освещение 1000 рублей;
- ремонт здания 500 рублей;
- на устройство и содержание библиотек и чтение 600 рублей;
- на выдачу пособия Нижнедевицкому детскому приюту 100 рублей;
- уплата долга по заимствованию на содержание волостной земской управы согласно дополнительной сметы расходов за 1917 год 4308 рублей 33 коп.;
- на образование оборотного капитала 200 руб.;
- на непредвиденные расходы: отчисление на образование запасных сумм 500 руб.

7) Заслушано предложение о выборе волостного сборщика по взыскании земских, губернских и волостных мирских сборов с частных владельцев торгово-промышленных предприятий. Единогласно решили – обязанность эту возложить на Комиссара.

8) Заслушано предложение о взыскании с населения волости волостного мирского сбора за 1918 год по 1 рублю с каждой земледельной мужского пола души в счет оклада волостного мирского сбора за 1918 год на нужды волости. Единогласно постановили: на означенную потребность взыскать по одному рублю с каждой земледельной мужского пола души в счет оклада волостного мирского сбора за 1918 год.

9) Заслушано отношение Знаменского исполнительного комитета от 26 февраля (старого стиля) о командировке в село Знаменское делегатов на 27 февраля для

разверстки земли между волостями. Единогласно ПОСТАНОВИЛИ: командировать 27 февраля двух членов земельного отдела и десять человек от волости.

10) Заслушав отношение Знаменского волостного исполнительного комитета от 21 февраля № 103 о выделении ему из реквизируемых Роговатовским волостным Исполнительным Комитетом 8-го марта с. г. у промышленника села Знаменского Ивана Григорьевича Кострюкова 13 кож в половинном размере. Единогласно постановили: в выделении Знаменскому волостному исполнительному комитету половинного размера означенных кож отказать.

11) Заслушано предложение об уплате гражданину села Знаменского Ивану Григорьевичу Кострюкову за реквизируемые волостным Комитетом кожи. Единогласно постановили: уплатить Кострюкову по твердым ценам.

12) Заслушано письменное заявление гражданина села Роговатого Ивана Емельяновича Воронкова от 24 февраля с. г. о заготовлении и поставке им 200 пудов подсолнечного масла для снабжения населения по цене 40 руб. за пуд. Единогласно постановили: заготовление масла возложить на волостной продовольственный отдел, каковой и должен немедленно приступить к заготовлению масла и снабжению всех кооперативов волости для продажи населению.

13) Заслушана опись описанной постройки священника Николая Васильевича Преклонского при хуторе Дмитриевском. Единогласно постановили: вменить в обязанности Дмитриевского сельского исполнительного комитета означенную постройку употребить для ныне существенных построек, если в ней окажется крайняя нужда, а если нет, то донести волостному Исполнительному Комитету.

14) Поступило внеочередное заявление председателя Комитета Н. Анисимова о выдаче суточных денег за время поездок по делам службы. Единогласно постановили: членам, получающим жалование выдавать по 5 рублей в сутки, а не получающим жалования выдавать по 7 рублей в сутки, считая таковую выдачу с 23 января 1918 года.

15) Заслушано предложение о прибавке жалования писцу Дмитрию Разуваеву. Единогласно постановили: сделать прибавку в сумме 25 рублей в месяц, считая таковую с 1-го февраля с. г.

16) Поступило внеочередное заявление председателя собрания С. Борщева о выдаче суточных денег членам комиссии по проверке хлеба и леса. Единогласно постановили: выдавать по 2 р. 50 к. в сутки каждому. Деньги выдавать из сельских мирских сумм.

17) Поступило внеочередное заявление председателя собрания С. Борщева о назначении членам волостного исполнительного комитета других сел дополнительного жалования по содержанию квартир. Единогласно постановили: дополнить по 30 рублей каждому в месяц.

18) Заслушано предложение об ограничении числа Красной Гвардии села Роговатое и о назначении ей жалования. Единогласно постановили: ограничить в семь человек. Жалование выдавать по 80 рублей в месяц каждому из штрафованных сумм, принадлежащих Роговатовскому обществу. Каждый красноармеец обязан служить два месяца считая срок с 1 марта по 1 мая старого стиля сего года.

19) Заслушано постановление Роговатовского сельского общества от 25 февраля старого стиля сего года об освобождении из-под ареста из Нижнедевицкой тюрьмы гражданина села Роговатого Федора Митрофановича Должикова. Постановили: означенное постановление передать на рассмотрение Нижнедевицкого уездного Исполнительного Комитета.

Заседание закрыто председателем собрания С. Борщевым в 5 часов.

Председатель собрания С. Борщев.

Председатель Волостного Исполнительного Комитета Н. Плутахин.

Секретарь Д. Разуваев.

С подлинником верно:

Председатель Комитета П. Плутахин (подпись).

Секретарь М. Потапов (подпись).

Постановление № 3

Роговатовского волостного Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов/ 25 марта 1918 года

Из всего состава Совета 28 человек на заседание прибыло 23 члена. Заседание открыл председатель комитета Н. Анисимов.

Председателем Н. Анисимовым внесено предложение об избрании председателя, а также и секретаря данного собрания. Единогласно постановили: избрать председателем С. Борщева, а секретарем Д. Разуваева.

Заслушано отношение Нижнедевицкого уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 8/21 марта 1918 года за № 526 об избрании трех очередных заседателей в состав Нижнедевицкого революционного трибунала контрреволюционного характера. Большинством голосов избраны: 1) Купавцев Петр Ильич, 42 г[ода], 2) Боев Тихон Осипович, 38 л[ет], 3) Волвенкин Филипп Петрович, 37 л[ет].

Заседание закрыто председателем собрания С. Борщевым в 11 часов дня.

Подлинное подписали:

Председатель Исполнительного Комитета Н. Анисимов.

Секретарь собрания Д. Разуваев.

Утверждаю: за Председателя Нижнедевицкого уездного Исполнительного Комитета Проскурин.

С подлинным верно: председатель Комитета П. Плутахин (подпись).

Секретарь М. Потапов (подпись).

[ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Ед. хр. 97. Л. 124–124 об.]

Постановление № 4

Роговатовского волостного Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов/ 2 апреля 1918 года

На заседание явились: председатель Комитета Н. Анисимов. Члены: А. Казьмин, Я. Чепелев, Ф. Колесников, А. Фомин, В.

Юдин, П. Купавцев, Я. Колесников, И. Купавцев, И. Хадеев, С. Кузнецов, Д. Разуваев, И. Ефимов, Ф. Волвенкин, Ф. Матвеев, П. Захаров, А. Киршин, И. Зайцев, Е. Молозинов, И. Анненков, Г. Хадеев.

Заседание открыто председателем Комитета Н. Анисимовым.

Н. Анисимовым внесено предложение об избрании председателя, а также товарища председателя и секретаря данного заседания. Единогласно избраны: председателем Н. Анисимов, товарищем председателя Г. Хадеев и секретарем Д. Разуваев.

1) Заслушано отношение юридического отдела при Нижнедевицком уездном исполнительном комитете от 10/23 марта 1918 г. за № 538 об образовании местного суда. Единогласно постановили: образовать в Роговатовской волости Роговатовский местный суд Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.

2) Внесено предложении об избрании местного судьи, заместителя к нему и 10 очередных заседателей в местный суд. После высказавшихся ораторов, постановил: избрание местного судьи, заместителя к нему и 10 очередных заседателей поручить Роговатовскому, Россошанскому и Дмитриевскому сельским обществам, с тем расчетом, чтобы от Роговатовского общества было избрано 7 человек, от Россошанского общества 4 человека и от Дмитриевского общества 1 человек.

Избранные лица должны явиться в волостной Исполнительный Комитет 5 сего апреля для избрания из них местного судьи, заместителя к нему и 10 очередных заседателей.

3) Заслушано словесное заявление председателя волостного продовольственного отдела Аркадия Казьмина о добавления одного члена в продовольственный отдел. После высказавшихся ораторов, постановили: добавить в означенный отдел одного человека.

4) Внесено предложение о назначении сметы расходов на поездки по делам службы членов волостного Исполнительного Комитета, Совета и почтосодержателя. Большинством голосов постановили: внести в смету расходов 2000 рублей.

5) Заслушано письменное заявление гражданина с. Роговатого Ивана Емельяно-

вича Воронкова от 20 марта ст. стилия 1918 года о разрешении ему скупки яиц по волости. Единогласно постановили: вопрос этот оставить открытым впредь до выяснения, о чем и объявить Воронкову.

6) Заслушано письменное заявление Менжелюкского сельского исполнительного комитета от 19 марта ст. стилия 1918 года о разрешении ему: 1. Произвести постройку водяной мукомольной мельнице, бывшей Жильниковых; 2. О выделении ему половинной части водяной мельницы Лягушкина, а также и Семеновых; 3. Об установлении права владения всем руслом течения воды.

Постановили: вопрос этот оставить открытым вплоть до особого распоряжения.

7) Заслушано словесное заявление председателя волостного Исполнительного Комитета Н. Анисимова об освобождении его от занимаемой должности в следствии болезни. Постановили: просить председателя Н. Анисимова временно остаться на занимаемой должности до ухода в лазарет на излечение.

8) Заслушано словесное заявление председателя волостного земельного отдела Ф. Колесникова об освобождении его от занимаемой должности. Постановили: в ходатайстве Ф. Колесникову отказать.

9) Внесено предложение об избрании 4 членов в Исполнительный Комитет на место выбывших членов А. Рубцова, С. Борщева, на случай выбытия председателя Н. Анисимова. Большинством голосов избраны: Илья Анненков, Григорий Хадеев, Владимир Юдин и Яков Колесников.

10) Заслушано постановление Нижнедевицкого уездного земельного отдела при уездном Совете кр[естьянских], рабоч[их] и солдатских депутатов с участием представителей от волостных земельных отделов и членов уездного исполнительного Комитета от 12/25 марта 1918 года. Принято к сведению, а п. 6 Совет рассмотрел и принимая во внимание, что сводка леса для Роговатовской волости в указанных рощах не приемлема на том основании, что лес этот от района Роговатовской волости отстоит на значительном расстоянии. А, между тем, в близь Роговатовской волости находится растущий строевой и дровяной лес в урочище Хмелевой Пустоши, принадлежавший имению Байбуса, постановил: ходатайствовать пред Нижнедевицким уездным Советом кр[естьянских], рабоч[их] и солд[атских] депутатов о разрешении для рубки леса на нужды населения Роговатовской волости находящийся в Хмелевской Пустоши.

Заседание закрыто председателем Н. Анисимовым в 4 часа.

Председатель волостного Исполнительного Комитета Н. Анисимов, товарищ председателя собрания Хадеев, секретарь собрания Д. Разуваев.

С подлинным верно:

Председатель Роговатовского волостного Исполкома П. Плутахин (подпись).

Секретарь М. Потапов (подпись).

[ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Ед. хр. 97. Л. 133–134 об.]

ДОКУМЕНТЫ

В фондах центральных и региональных архивов хранятся сведения о прошлом Оскольского края. Читателю предлагается материал первой трети восемнадцатого столетия из фонда местных учреждений Российского Государственного архива древних актов (РГАДА, Ф. 580, Оп. 1 ч.2, Д. 6947) – о смене воеводского правления г. Старого Оскола.

Документ написан скорописью XVIII в., которая характеризовалась сочетанием ярко выраженных рукописных традиций XVII в. с элементами введенного гражданского шрифта. Разумеется, внешняя и внутренняя критика источника не осуществлялась. В документе единых правил не соблюдается, но сохраняется стиль изложения. Подавляющее большинство строчных букв характерны для современного написания. Расстановка знаков препинания является произвольной. Анализ документа и комментарии к нему оставляем за читателем.

ТЕКСТ

«1728 году генваря 18 дня по Указу Императорского Величества Самодержца Всероссийскаго из Белгородской губернской канцелярии полковник Михайло Моисеев сын Толстой отдал поручику Андрею Артемьеву сыну Полибину город Старой Оскол и городские и острожные ключи; и прежние блаженные и вечnodостойные памяти Его Императорского Величества, и блаженные же и вечnodостойные памяти Ея Императорского Величества указы и воеводские наказы и грамоты и уложения и новоуказныя статьи и присылаемые всякие указы; и прежних годов судные и разыскные дела; и служилым людям всяких чинов градским и уездным [статьям] списки; так же артилериям, мундирам со всякими принадлежащими полковыми припасами; и что в городе имеет под ведением, а что чего [порядку]; и то в сем расписном списке показано ниже сего именно по статьям.

Город Старой Оскол рублен в дубовом лесу в две стены в клетки, во многих местах

ветх, мерою в круг – триста восемь сажен один аршин (666 метров).

Канцелярия деревянная мерою в длину шесть сажен (12,96 м). Перед канцелярею холодная изба старая переставлена межими сени и крыты под одну кровлю лубом.

В канцелярии

При судейском столе образ Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа, да образ Святого Николая Чудотворца в окладе. Городовые острожные и земельного погребя и магазейные и артелерного амбара ключи. Судейский стол, на нем красное сукно ветхое. Судейский ящик, который бывает за печатью судейской и за замком, имеет печатный лист о недвижимом имуществе именно. Таковой же прислан для образцов краски для сыску, и именно в 26 бумажках разных вещей, да ... таможенных мануфактурных образцов разных полотен – 34 образца.

Комиссарские и других сборщиков ведомости, в ведение каковых посланы в губернскую канцелярию и черные выписки 1716-1718 годов, которые оставлены при Старооскольской канцелярии воеводского правления:

– *Книга строильная городу Осколу, что строил Василий Коробьин в 138 (1630) году;*

– *Книга строильная городу Осколу, что строил Никита Мотовилов в 133 (1624) году;*

– *Книга полистная, что разные поместья осколянам беспоместным детям боярским раздачи воеводы Дмитрия Плещеева во 153 (1645) году;*

– *Книга разборная старооскольцев всяких чинов людей разборам думного дворянина Семена Заборовского за приписью дьяка Федора Постникова во 183 (1675) году;*

– *Книга разборная Емельяна Сытина в 187 (1679) году;*

– *Книга разборная стольника Василия Хитрова 195 (1683) году;*

– *Переписная книга, что прислана из разряду, дьяка Федора Замятина переписи стольника Алексея Титова 205 (1693) году;*

– *Книга разбору стольника Василия Ознобшина 1700 году;*

– *Книга разбору стольника Юрия Нелединского-Мелецкого 1705-1706 годов;*

– *Списки с переписных книг 1710 году;*

– *Книга переписная стольника Василия Давыдова 1714 году за его рукою;*

– Денег серебряных 21 рубль 33 алтына за печатью у подъячего Ивана Судакова, который взят был в Ярославль, и книга эта явилась при сдаче дел;

– Книга записная 1722 года присланная его Императорского Величества Указом в бытности в Старом Осколе подъячего Михаила Кондаурова.

Городовые строения

– Соборная церковь со всякими соборными [учреждениями]. Колокол вестовой весом 15 пудов 15 гривенок (248,8 кг);

– Государевы хоромы, где воеводы живут: три светлицы на подклетах, крыты тесом и кровля ветха, перед ними сени без кровли, изба черная на омшаниках, три чулана, баня – все ветхое;

– Поварня, ледник, конюшня – все ветхое;

– Артиллерийский амбар построен в 1718 году, крыт тесом – в длину 12 сажень (25,9 м), поперек 4 сажени три аршина (10,8 м);

– Магазины старая, житницы переставлены вновь в линию, межими забраны лесом амбары, покрыты под одну кровлю тесом – в длину 13 сажень (28,08 м);

– Казенный погреб с пороховою казною ветх, выход деревянный;

– Другой погреб построен для денежной казны;

– Тюрьма острогом мерою пол шести сажень стена;

– В городе колодезь, в нем вода негодная;

– Два амбара крыты лубом.

Наряду.

– Пушка чугунная трехфунтовая мерою два аршина три четверти, весу в ней 27 пудов две четверти на волоковом станку;

– Три волоконейки железные, в том числе: одна мерою в дву аршин трех четвертей, при выстрелу голова змеиная; вторая волоконейка мерою дву аршин три четверти, при выстрелу голова змеиная; третья волоконейка мерою дву аршин три четверти с дву полвершка. По подписке весом все два пуда 28 гривенок, по ним чешуя, при выстрелу голова змеиная, и все по калибру ядра пол фунтовые. И покуда волоконейки в ветхих станках к походу не годятся;

– Присланы из Белгорода и Корочи в 1707 году три пушки чугунные:

– три аршина с четвертью, весу не написано, насечка на левой стороне, при выстрелу

крест, на волоковом станке, к ней по калибру ядра пяти фунтов, волок ветх;

– три аршина с вершком, станок на колесах, ядра пятифунтовые;

– три аршина с четвертью, станок на колесах ветх не готов к походу, ядра по калибру четырехфунтовые;

– Девять пицалей затинных старинных, к стрельбе не готовы;

– Затинных девять пицалей негодных и два урывка затинных пицалей.

И того прежних и вновь присланных пицалей – шестнадцать.

К ним ядра по калибру ко всем пушкам.

Трех фунтовых – 500 ядер.

Полуфунтовых – 130 ядер (пушек нет).

Восьми фунтовых – 120 ядер.

Двух фунтовых – 210 ядер.

Семи фунтовых – 700 ядер.

Присланных из Белгорода и Корочи.

Пяти фунтовых – 300 ядер.

Трех фунтовых – 183 ядра (пушек нет)

Итого – две тысячи сто сорок три ядра.

В казенном погребе.

Прежде присланного ручного пороху 2 пуда 24 фунта, пушечного 54 пуда 6 фунтов, присланного ручного 80 пудов.

Итого – 136 пудов 30 фунтов (две тонны 227,8 килограмм).

В том же погребе

Свинцу 62 [бочки], весу 239 пуд 12 фунтов, свинцовых пуль мушкетных – 2 пуда 26 фунтов.

Итого свинцу и пуль – 242 пуда 3 фунта (три тонны 965,2 килограмма).

– Три тысячи рогулк железных;

– Две тысячи пик на дровках, ржавые;

– Одна фурма медная, одна трещотка пушечная, восемь запалов;

– Волоконейка железная в [пол ...] разорванная на вертлюге ж, к стрельбе не готова;

В цейхгаузе

– Девять знамен на дровках с дротиками железными, ветхи. В том числе по цветам: Одно тафтяное желтое сотенное; Семь киндячных сотенных разными цветами; Одно знамя пехотное киндячное белое, на нем цветы красные дорогильные.

– Ружья старого – двенадцать, три мушкета старые с жаграми, к стрельбе не готовы.

– В 1713 году белгородских 52 фузеи [поломаны] и с замками, без починки к стрельбе не годятся. В том числе 22 фузеи у замков шурупов нет, шесть фузей ложки поломаны.

– Тридцать две пицали с замками находятся, ветхи.

– В 1716 году Белгородского полку, которой стоял на квартирах в Старом Осколе, негодной амуниции: Седел немецких старых ветхих и поломанных – 94; Стремья железных – 75; Крюков перевозных железных – 664; Наконечников медных – пять; Наконечников железных – шесть; Пряжек бес пезевезей медных – 201.

В том же цейхгаузе

– Пряжек же тридцать девять белых: медных – 14, железных – 25;

– Флейта с медной оправой – три;

– Босанфлейтной – один;

– Барабанов – шестнадцать;

– Мушкетов ломаных – десять;

– Юфтевых тафтяных острых [сапог] – 31 пара.

В том же цейхгаузе.

– Два багра железных от пожару;

– Один буравец железный;

– Одна пила для перепила колод;

– Два топора;

– Три казы железные ветхие, станины чугунные.

Соли бузуну прошлых лет в артилейном амбаре в бочках, весу с деревом – 14 пуд 2 фунта (66,4 килограмма).

Присланная из Брянска ветчина в магазейном амбаре зарасходу налицо по ведомости целовальника Никиты Обьедкова с товарищи – 371 пуд (шесть тонн). Она ветчина ничему негодна, вся сгнила.

Переписи книга 1718 году старооскольские, корочанских, нежегольских, салтовские всяких чинов русских людей и черкасов именно, восемь книг, последнего лантрата Ильи Родионовича Чирикова в холстинном переплете.

Дело о беглом Игнатьева полку о солдате Онисиме Кошилеве и жене его Февронье и Иване Ележанове.

В бытность комиссара Коломнина приходу и расходу книг, три, неокладных доходов с челобитных чинов дел и записей постоянных.

Книгам Его Императорского Величества Указам – 2 тетради, и за рукою его комиссара Коломнина.

Книга записная всяких указов из канцелярии Его Императорского Величества 1723 году – 26 листов, 4 белых листа.

Одна тетрадь комиссара Коломнина закрыта, а прочие нет.

Книги приказные присылаемых гербовой бумаги – 7 листов, в том числе 7 белых за рукою поручика Голофеева.

Книга записная промемориям и письмам и доношению – 7 листов за рукою поручика Голофеева.

Мера в ... , запечатана красным сургучом.

Книга записная в бытность Чирикова пришедших и гулящих разных чинов людей за рукою Чирикова.

Чертежи Старооскольской провинции разных городов.

Книга высылная в Киев однодворцев при комиссаре Коломнине в 1721 году к смотру.

Книга 1727 году Его Императорского Величества указов из канцелярии.

Книги входящие промемориям ... – 11 тетрадей.

Приказные книги: неокладного челобития – две; печатных пошлин – 97 рублей 22 копейки две деньги, в том числе высланы в Белгород 68 рублей 23 копейки, куплено сургучу и свечей 2 рубля 9 копеек и восемь денег, За расходом находятся 26 рублей 90 копеек.

Содержится в тюрьме колодников по разным делам – 42 человека.

Подписали:

Полковник Толстой.

Поручик Полибин.

Документы к публикации подготовили
А.П. Никулов, Л.Н. Пивоварова

Т.Г. Брыжик

МАРИЯ ИВАНОВНА

Какое имя-отчество дороже и ласковее для нашего русского уха?

– Мария Ивановна.

Много лет я знакома с Марией Ивановной Емельяновой. К сожалению, не так близко, как следовало. Познакомились мы совсем не случайно, потому что нас тоже интересовала крестьянская культура и что-то уже было собрано – предметы быта, утварь, инструменты. Конечно, нам было не сравниться со знаниями Марии Ивановны. Помню, что волновались перед встречей. А получили подарок – пояс к женской крестьянской одежде.

И вот новая книга Марии Ивановны. Не первая в ее трудах. «Русская традиционная культура Староосколья».

Я взяла книгу в руки и предполагала полистать-посмотреть: многое, мол, мне известно. Потом поняла, что читаю все более внимательно, а через несколько страниц взяла в руки карандаш и начала конспектировать.

Это смелая и добрая книга, в ней не просто сведения о предмете изучения, а изложена позиция автора. Книга построена по академическому принципу как энциклопедическое издание. Более того, все главы изложены как ответ на определенный и простой вопрос.

В рассказе Марии Ивановны, а мне повезло слушать ее, хотелось запомнить каждое слово. Это образная, красивая речь. Так по-русски уже не говорят. С благодарностью вспоминает Мария Ивановна родную семью, счастливую многолетнюю семейную жизнь. Девочкой слышала рассказы, песни, видела танцы, игры односельчан. Как это было? Собирались соседи в родительской хате, никто без дела не сидел. Женщины шили, вышивали, пряли, мужики мастерили. А дети на печи, и все происходило на их глазах. Но кто как, а

девочка Маруся не только запоминала, но и записывала.

До сих пор, говорит Мария Ивановна, сохранились юношеские записи. Верными помощниками были мать и отец, позже – муж и его родные. А сейчас при подготовке книги к изданию неоценима помощь дочери и внучки.

В ее книге написано: «Основными источниками для книги явились архив и разнообразная коллекция предметов традиционно-бытовой культуры, собранные мною в фольклорно-этнографических экспедициях по Приосколью, Белгородской области, сопредельным районам Курской и Воронежской областей в течение нескольких десятков лет (1960–2014 г.г.); мои научные труды, фонды этнографического Русского музея, Старооскольского педагогического колледжа, основателем и руководителем которого я была на протяжении почти тридцати лет...».

Такое сдержанное повествование, а за ним стоит невероятный многолетний труд. Ведь все предметы, которые стали экспонатами музея, жили своей деревенской жизнью во многих селах и деревнях.

Мария Ивановна пришла к своим землякам пешком по дорогам и тропинкам среди лесов и полей. В крестьянском хозяйстве всякая вещь «по своей надобности», поэтому расставаться с ней нелегко. Приходит неведомая молодая женщина и просит отдать, продать рубель или крынку. Как отдать, если вещь осталась от матери, а то и от бабки. Но крестьянский быт в 60-е годы стремительно рушился, и если бы не в надежные руки Марии Ивановны, то попали бы прялки-кормысла в кострища и мусор.

Мы ведь помним куда ушли-уехали дети и внуки из деревни, а на городских стройках не до деревенского добра. Мария Ивановна – великий собиратель старины и русской культуры.

Повествование книги идет по векам истории края. Во все времена Старый Оскол оставался уездным городом Киевской, Белгородской, Курской губернии. Город начинался как острожек у подножия мелового мыса.

В книге последовательно излагается история формирования этнического состава населения. Люди живут ремеслами, но не

случайно рассказу о быте и занятиях людей предшествует этнографическое исследование. Интересно читать даже о говорах — «аканьях», «яканьях», «цоканье».

Автор акцентирует наше внимание на понятии «традиционный быт», ведь традиция — это преемственность. Традиция — основа культуры, так считал Б. Пастернак.

Мария Ивановна рассказывает, что родилась в поземной хате, правда, в ней, в отличие от многих хат, был деревянный пол. Это благодаря тому, что отец работал на железной дороге. В те времена это были деньги, а не «палочки за трудодни» как в колхозе. За эти малые деньги родители выучили своих пятерых детей, да еще мама позволяла Марусе тратить на собирательство. Вот истоки доброты, культуры, любви к дому и родной земле.

Вижу в книге фотографию гончарной печной трубы и хвастаю — у нас тоже есть такая труба. Но разве сравниться мне со знаниями «вокруг трубы». И я теперь знаю, что гончары жили в Хорошилово. Это село для меня чудесное. Когда я в первый раз вошла в деревенскую церковь Святого Великомученика Дмитрия Солунского — ахнула!

Церковная роспись чистая, наивная, ласковая. Все библейские картины выполнены много лет назад настоятелем Павлом Михайловичем Санталовым, но так, как это делал бы ребенок — яркими несмешанными красками.

Мария Ивановна описывает добрые традиции и утверждает, что до наших дней дошел обычай «помочи» и «толоки», это когда соседи-односельчане собираются вместе, чтобы помочь одной семье в короткий срок сделать трудную работу.

Мне вспомнилось детство, когда видела такую работу. У бабушки перед домами было пространство, большой луг, правда, в жаркое лето сухой, и называли луг «толойкой». Вот оно — проникновение культур. У нас на Кубани украинские потомки и здесь, в Осколье, те же традиции, пришедшие из южных украинских земель.

Мой особенный интерес к главам о гончарстве. Столько нового я узнала о роли посуды в хозяйстве. Горшок он и есть горшок. Ан нет! С ним связаны обряды, обычаи, приговорки; сколько всего! «Русские, украин-

цы и поляки считали, что ведьмы обладают способностью красть с неба месяц, звезды, а также росу, дождь и прятать их в горшок или кувшин». Каково? Узнаем, что такое «дежа», чем отличается бочка от кадки, что такое безмен или цеп.

В книге нашлось и «объяснение» моей фамилии. Оказывается «брыжжа» — деталь одежды. Я и раньше знала, что это старое украинское слово.

Как красивы и разнообразны русские сарафаны; традиция живет в народном творчестве, в музыке.

Если вы придете в музей педагогического колледжа, то первое, что вас восхитит, — женский костюм. Глаз не оторвать! В наших местах, оказывается, и валенки валяли. Я думала, что это северный промысел.

Все, о чем читаю в книге, Мария Ивановна «принесла на себе» из сел и деревень. Уговаривала, упрашивала, покупала. Открывали сундуки и скрины и отдавали в руки Марии Ивановне паневы, полотенца, лоскутные одеяла.

Поэтому в книге вопросы:

— А что было в древнерусской мужской одежде самой дорогой деталью?

— Почему носят украшения и что самое ценное в женской одежде?

И вот я дошла до моей любимой темы — промыслы и ремесла.

На глазах нашего поколения это превратилось в архаику.

Помните, как у А. Тарковского: «наблюдать умиранье ремесел, все равно, что себя хоронить». Вот мы сейчас на этой стадии.

Знают ли нынешние жители, чем занимались их односельчане всего несколько десятилетий назад? Я помню, что в 70-е годы, когда мы приехали в Старый Оскол, на базаре стояли прялки, телегами привозили крынки и горшки, и они, как ребята, лежали в соломе. Еще лет тридцать назад можно было увидеть в работе сани и телегу. И все это изделия наших мастеров.

Женское ремесло — ткачество. В семье из поколения в поколение передавались прялки, ткацкие станы. Гребень был непременно в приданом невесты.

С радостью вспомнила, как впервые взяла в руки глиняную свистульку. Собиратель-

ство многие годы было любимым занятием нашей семьи. Поездки, находки, связи, знакомства и многолетняя переписка с мастерами. И всякий раз с гордостью говорила — есть в нашем городе гончарство. Было знакомство с потомственными мастерами, дорогими моему сердцу Ольгой Михайловной и Натальей Михайловной Гончаровыми, Ларисой Павловной Шалыгиной; в книге их фотографии. Было время, я с мальчишками глубокой осенью ковыряла глину в случайных канавах на Казацких буграх в поисках свистулек. А в радость и обломки свистульки. А какая-то бабуся вышла со свистком-петушком: «Это что же у тебя такая работа?». Петушок в радость и мне, и детям. Дома отмоешь от мокрой глины. А это барышня или уточка, или мой любимый медведь.

Мария Ивановна пишет, что простые бытовые предметы мастера «создавали по единому закону пользы и красоты». Например, камод в семье вещь совершенно необходимая. Камод — загадочный предмет. Помню, как в детстве хотелось узнать, что же там внутри глубокого ящика бабушкиного камода. А несколько лет назад увидели камод под забором у соседа. Он отдал его нам без трепета, я им теперь люблюсь, а особенно дорог стал, когда одна моя коллега сказала, что знала того местного мастера из Незнамово, который его сотворил. Пять надежных ящиков! Есть у нас и сундук, расписанный розами. В нем явно хранилось девичье приданое.

Огромный удивительный мир — русское домотканное полотенце. Все обычаи, ритуалы, традиции крестьянской жизни выражались в разнообразии полотенец. Полотенце на крестины, новобранцу, свадебное и прочее, прочее... По рисунку, символам, цвету знающий человек не спутает назначение этой вещи.

Я счастливо знакома со знатоком и собирателем полотенец — Ниной Петровной Востоковой. Она преподаватель, ученый, живет в Пензе. И Мария Ивановна из того же племени — собирателей и хранителей.

В крестьянской хате все рукодельное, памятное, фамильное. Как интересно читать о ковроткачестве. Деревенский ковер непременно украшение, память о матери,

приданое дочери. Курская область была центром такого производства и даже в науке есть особенный «курский ковер». Я чаще видела ковры с цветочным растительным узором. Оказывается, этот рисунок возник под влиянием украинского ковроткачества, а раньше был геометрический рисунок; кстати сказать, более трудоемкий. Ковер на стене — это первое, что приятно глазу в крестьянском доме. Известны такие ковры и на клеенке, теперь это этнографическая редкость. Недавно мне пришлось наблюдать в мастерской московского коллекционера с какой тщательностью восстанавливают такой клеенчатый ковер. А еще, помните, были тканые ковры с оленями, лебедями. Это уже двадцатый век. Много лет назад в деревне Прислониха в доме художника Пластова я увидела такой ковер с сюжетом васнецовской Аленушки. Это поразило не меньше, чем живописные полотна в его мастерской.

Женские ремесла приносили семье красоту и достаток. Мария Ивановна пишет, что не зря труд пряжи почитался у всех народов. Древних гречанок оберегала богиня Афина, на Руси — святая Параскева Пятница.

В нашем доме собралось несколько прялок, настоящих рабочих. Одну такую подарил мне историк, добрейший человек Анатолий Павлович Никулов. Привез мне подарок Сергей Николаевич Чернев, наш давний друг и товарищ. Обоим — моя благодарность.

Неожиданно интересная глава в книге о конопле, древнейшей культуре, без которой немислимо крестьянское существование.

Прочитайте историю конопли, это история человечества. Ткани, паруса, масло, бумага, пища и лекарство — все это конопля. Любители живописи должны быть навек благодарны за сохранность полотен Рембрандта, Ван-Гога — они из конопли.

Да, сегодня конопля вне закона, пишет автор, но это не является предметом ее изучения.

Зато как интересно читать, что первые джинсы, знаменитые «Levis», изготовлены из конопли. «Конопляная ткань, — как пишет Мария Ивановна, — поддерживает нормальный теплообмен человеческого ор-

ганизма». Да к тому же ткань не электризуется.

Еще раз я узнала предназначение и ценность валька, ступы, гребня, рубеля. Вот рубель – это вам не утюг. А гладит! Недавно с одной молоденькой сотрудницей музея говорили об экспонатах. Для чего рубель? Есть такая сцена в герасимовском «Тихом Доне», там Аксинья гладит.

Это о прошлом. Мария Ивановна задает вопрос: «Есть ли в настоящее время в Старосколье мастера, работающие по возрождению традиционных народных промыслов?».

Об этом последняя глава книги. Я многих мастеров знаю, люблю и ценю. По правде сказать, я не знаю, что такое «возрождение». Мне кажется, скорее, сохранение и память.

Книга Марии Ивановны обозначена как первый том, будет и второй. Достойный труд!

Замечательным образом в книге сочетается культурологическое изложение, простота текста, доступность. И еще – смелость! Это проявляется в изложении влияния культур и языков других народов на развитие отечественной культуры нашего края. Это позиция умного человека. Наука не может быть сугубо национальной, нет же «русской химии» или «японской физики». Наука – едина! Так и культура может быть только интернациональной, если не хочет вырождаться.

В прежние времена сказали бы, что такая книга должна быть в каждом доме. Конечно, сегодня это не так. Да и тираж крошечный.

Е.Н. Евсюков

СПЕШУ НА СВЕТ НЕПРЕХОДЯЩИЙ...

(О творчестве Владимира Михалева)

Литературоведческих работ с разбором творчества Владимира Михалева мы встретим не так уж и много. Это в основном предисловия к изданным в разное время поэтическим сборникам. Встречаются и немногочисленные статьи и очерки в местной белгородской, а также центральной прессе и региональном журнале «Подъем», где есть попытка осмыслить такое уникальное явление в литературно-художественной среде, как Владимир Михалев.

Во всех наиболее известных публикациях сквозит доброжелательный, даже порой отчасти комплиментарный тон, и авторы довольно дружно отмечают сильные стороны и особенности творчества поэта: «органичность образов», «свет любви к Родине», «музыкальность, лирическую доверительность стиха» и многое другое, подчеркивающее самобытность поэзии нашего знаменитого земляка.

Но все-таки этих редких заметок мало, чтобы по достоинству оценить творческое наследие Михалева. И нет сомнения в том, что найдутся люди, способные помочь читателю понять все смысловые оттенки и музыкальную гармонию стихов поэта-пастуха. Разгадают завораживающую магию образов и картин природы, которые столь сильно и эмоционально действуют на сознание читателя, очаровывая красотой и прелестью.

Мне кажется, что, несмотря на свою популярность в конце прошлого века, Владимир Михалев оказался не до конца прочтен и понят современниками. Иначе, почему даже в наиболее обстоятельных и объективных материалах, претендующих на рассмотрение характера его творчества, сквозит какая-то снисходительность авторов при оценке опубликованного поэтом? Содержится призыв к нему выйти за пределы своей поэтической

«околицы», избавиться «от беспричинного «комплекса неполноценности», дав себе «время и свободу творить». А еще содержится упрек в неизбежных повторах: «тематических, интонационных, образных...».

Призывы и замечания, прямо скажем, крайне странные!

И эти слова адресованы поэту, априори не обремененному никакими рамками в выборе тем, поэту, который ощущал себя предельно свободным, поскольку главным объектом его творческого восприятия и осмысления выступала сама матушка-Природа.

Человеку, который уже в самом начале своего творческого пути заявил:

Повторяю о травах
О наливе хлебов
Говорю о дубравах,
О полянке любой.
Говорю про зарю
В озаренье ее.
О земле говорю,
О цветенье ее.
И о русской косе
Под косынку синей.
О росе,
О красе,

Ненаглядной России!

Или вдумайтесь в стихотворение, названное «Простота». Оно тоже подходит под поэтическое кредо Михалева.

Пронижет рощу ветер шумный
зайдетса коршун в высоте...

Что ей,

Природе неразумной,

При первозданной простоте?!

Что ты птенец..

Росток пшеницы?...

Зари рассветной полоса?...

А нам глядеть,

А нам дивиться,

Пока закроются глаза!...

Разве улавливается «комплекс неполноценности»? Здесь присутствует спокойная, уверенная в себе мудрость!

В журнале «Наш современник» за 1971 год автор Александр Потапов в статье под названием «Добрые струны» в основном хвалит Владимира Михалева. Подчеркивая мастерство автора, он восхищается тем, как «Михалев о банальнейшем жаворонке создает миниатюру, которая говорит о высоком умении поэта за очевидным, внешним разглядеть сокровенное, главное».

Но спустя несколько абзацев автор делает выговор Михалеву за «созерцательные стихи», в которых нет «поэтического открытия, а есть риторика». В качестве примера цитируются строки, в которых говорится о том, как колхозники вывозят навоз на поля:

«На шкворне спаренные сани –
«ДТ» натужного союз.

И в полшубках эти парни,
И этот урожайный груз...

Не эта ли «непоэтическая» тема подсказала Александру Потапову мысль: «Услышишь у В. Михалева и слишком идиллические нотки в изображении нынешней деревни». Выходит, автор публикации в «Нашем современнике» уличает поэта в том, в чем он особенно силен – в глубоком знании и поэтическом описании реалий родной ему деревни. Потапов отказывает Михалеву в праве торговаться трудом своих земляков.

Но есть также объяснение, почему даже обыденные вещи и явления привлекают внимание поэта. Как верно отметил Александр Межиров, который познакомился с В. Михалевым на Высших литературных курсах, у Михалева «характер мышления поэтический», и «ткань стиха у Михалева – мыслящая, сугубо и неотступно мыслящая».

И теперь представим, что следуя авторитету маститых критиков, рекомендовавших Михалеву избегать «социальных тем», поэт постеснялся и поостерегся бы написать стихи о доярке, в котором есть такие замечательные строки:

Разомкнет онемевшие руки
И опять за работу пока,
Как ребенок, проснется округа
И попросит попить молока.

Не родились бы стихи, в которых упоминается «Председательская «Волга»:

Под ногой отава тает,
Повторенная трава...
Подбирай,
Пора крутая,
Выше локти рукава!

Отсутствовал бы и «Полевой вагон», а ведь для колхозных трактористов из него:

Вся хлебоборбная Россия
Отсюда, кажется, видна!»

Возможно, не случились бы и «Пастухи», которые

Не о кормах, не о надоях
Они беседу поведут...!
Не было бы лемеха, который
«.. неделями в поле не спит,
Борозды режет,
О камни скрипит.
В зеркало сточится – кинут его,
Долго глядится гречиха в него».

Короче говоря, скольких бы зримых и сильных поэтических образов лишились бы читатели?

Следуй Михалев запретам критиков, которым явно застил глаза урбанистический взгляд на жизнь, возможно, и не создал бы «Жаворонока» – эту «золотую рыбку в скупых сетях поэзии».

Да и кто почитает сейчас «правильную» поэзию, принадлежащую профессионалам. Опусы на производственную тему того же Евгения Евтушенко, с насквозь фальшивым и пафосно-приторным: «Я бетонщица, Бутова Ньюшка. Я по двести процентов даю...». Образы рабочих людей в трактовке официально признанных некоторых мэтров от поэзии, знающих о жизни человека труда лишь понаслышке, воспринимаются ныне как анекдотичные. У Михалева же, считавшего своим главным предназначением пастушество, в рассказах о своих товарищах-колхозниках нет фальши и карикатурной гиперболизации своих героев.

Да и как иначе, ведь уже в «Хлебоцветье» – одном из первых своих поэтических сборников, вышедшем в Белгородском книжном издательстве в 1964 году, прямо на первой странице он заявил:

Друзья, узнаю вас
По силе и хватке,
По ковке, вспашке,
По каменной кладке.
По труду,
По добру,
По резцу,
По перу,
По клепкам мозолей
В железной ладони...
Хочу быть, друзья,
Вашей дружбы достоин!

Раздражает читательское восприятие и некая небрежность московских авторов в исследовании творчества В. Михалева.

В статье Т. Исаковой под названием «Белый дом с голубым крыльцом», напечатанной в газете «Советская Россия» в 1979 году, якобы со слов Михалева, говорится о том, как он написал стихотворение «Осколок». Оно-то и стало, по версии столичного журналиста, первой поэтической публикацией Михалева в районной газете, придавшей ему много творческих сил.

Тут усматривается неувязочка. Если брать во внимание дату, фигурирующую в поэтических сборниках, «Осколок» поэт написал в 1957 году. Но еще за три года до этого, 27 июня 1954 года, в Старооскольской районной газете «Путь Октября» мы встречаем стихотворение «Говорят косари». В нем уже проглядывается будущая метафорическая манера поэта. Звонко и красочно звучит:

«Густо травы ложатся рядами
Золотыми кудрями в расчес».

Мне представляется, что даже большие доброжелатели В. Михалева порой несколько однобоко трактуют и его поэтическую философию.

Так, в хорошо известном стихотворении «Подпаски», где кроется горькое признание:

«Не идет ко мне в подпаски
Молодая ребятня», –

многие видят только социальный подтекст, отражающий конфликт поколений в современной деревне, касающийся профессиональной преемственности.

На наш взгляд, в стихотворении речь не только о тяги молодежи в город, заложенная поэтом в ткань стиха мысль гораздо глубже:

Гнет задумчивость вопроса:
Лет десяток погодя
Передам кому свой посох,
Плащ надежный от дождя?».

Нам видится, что речь тут идет не только о пастушеской, но и поэтической преемственности.

Михалев, несомненно, следил за творчеством своих более молодых литературных братьев, пишущих на сельскую тематику.

Более того, на правах более опытного и умелого стихотворца он поучал:

Подумай, потрудишься,
Касатик!
Они нам здорово вредят,
Стихи, которые некстати,
И песни те,
Что невпопад...

И, конечно же, поэту-пастуху было небезразлично, кому он передаст в наследство «Посох Гесиода!».

Убедительность такого хода рассуждений подтверждает еще одно стихотворение Михалева «Пойдем-выйдем на луга» (1978), адресованное Н.Ш. (возможно, знаменскому поэту Шекалову?):

Долго сказывалась сказка
Много пели петухи...
Походили мы в подпасках –
Не пора ли в пастухи?
Станем рядом петь и плакать,
Двигать душу в оборот.
Наступаешь мне на лапоть?
Этак дело не пойдет!..
По тропинкам расторопным
Пойдем-выйдем на луга.
Будешь складывать ты копны,
Я – намetyвать стога...

Как видим, в слегка ироничной, озорной форме старший поэт призывает младшего вместе «петь и плакать, двигать душу в оборот». Впрочем, старший все-таки не уступает своего поэтического первенства!

Опираясь на изложенное, можно заключить, что в поэзии Владимира Михалева еще много загадок, которые должны разгадывать прежде всего старооскольцы. Именно к своим землякам обращался в первую очередь поэт.

Я убежден почти на сто процентов, что размышляя о своей планиде, честный и совестливый, не претендующий на большие лавры и литавры, поэт-пастух вывел себя в образе соловья в одноименном стихотворении:

Как рассыпался он над лугом.
Как заливался, певчий бог!
И вдруг, как ястребом напуган,
Чудак смутился и замолк
Спустился с ветки
Грешной пташкой,
И долго росным бережком
Шнырял он зябко за букашкой
Да лакомился
Червяком...

«Спешу на свет непреходящий», – сказал он в одном из последних своих стихотворений. Непреходящий свет поэзии Владимира Михалева привлекает все больше и больше поклонников его удивительного дара, ценителей истинного поэтического слова.

И.Х. Есипова

МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ...

Юные погибшие герои,
Юными остались вы для нас.
Мы – напоминание живое,
Что Отчизна не забыла вас.
Жизнь иль смерть – и нету середины
Благодарность вечная вам всем,
Маленькие стойкие мужчины,
Девочки, достойные поэм...

Великая Отечественная война – одно из самых ужасных испытаний, выпавших на долю русского народа. Ее тяжести и кровопролитие оставили огромный отпечаток в сознании людей и имели тяжелые последствия для жизни целого поколения. В годы Великой Отечественной войны испытывали страдания и горе не только взрослые, но и дети. «Дети и война – нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете», – написал Твардовский в одном из своих очерков. Дети и война – два несовместимых понятия. Война ломает и калечит судьбы детей. Но дети жили и работали рядом со взрослыми, своим посильным трудом стараясь приблизить победу... Сегодня это поколение мы называем «дети войны». Их лучшие, детские, годы пришлись на время горя и лишений. Современные дети даже не могут себе представить, каково расти во время войны. Разрушенные дома и звуки выстрелов – таким запомнилось детство тем, кто рос на оккупированной фашистами территории. Всю жизнь будут помнить они воздушную тревогу, письма и «похоронки» с фронта. Многие дети тогда потеряли своих родителей и близких людей на войне. Да, детство этих ребят поглотила война, а юность – послевоенная разруха и голод. Именно эти дети после войны восстанавливали разрушенное хозяйство, в юном возрасте ста-

новясь у станков на заводах и фабриках, работая на стройках. Воспитанные трудом и доблестью, они рано выросли, очень часто заменяя погибших родителей своим младшим братьям и сестрам. Но, несмотря на голод и лишения, они сумели вырасти порядочными людьми, получить образование и всю жизнь трудиться на благо своей страны, своей Родины.

Сегодня мне хочется рассказать о детском коллективе эвакогоспиталя № 1926, который состоял из детей сотрудников госпиталя. Средний возраст детей этого маленького коллектива составлял 10-12 лет. Они, рано повзрослевшие в суровых условиях войны, из всех своих силенок старались внести свой вклад в большое общее дело спасения раненых бойцов, помочь старшим в их нечеловечески напряженном труде. Выполняя несложную работу, они освобождали медицинский персонал для их основной деятельности. В фондах нашего краеведческого музея хранятся документы Нины Георгиевны Власовой, дочери врача эвакогоспиталя № 1926 Марии Георгиевны Стерлиговой. В годы войны, будучи подростком, вместе с матерью она работала в госпитале.

Н.Г. Власова родилась 6 июня 1931 года в Воронеже, в семье служащих. Мать, Мария Георгиевна Стерлигова – врач. Отец, Георгий Петрович Власов, инженер-железнодорожник. В 1933 году семья переехала в Старый Оскол. В 1935 году в семье родилась еще одна дочь Людмила. В 1939 году Нина Георгиевна поступила в первый класс железнодорожной школы № 15. В 1941 году началась война, и в Старом Осколе был организован госпиталь, куда была мобилизована мать Н.Г. Власовой М.Г. Стерлигова в качестве начальника одного из отделений госпиталя.

В октябре 1941 г. госпиталь вместе с ранеными был эвакуирован. Вместе с госпиталем эвакуировались сестра М.Г. Стерлиговой Любовь Георгиевна Травкина и ее дочери. Целый месяц госпиталь добирался до Западной Сибири, а затем постоянно стал передвигаться на Запад. И в 1942 году попал под Ленинград на фронт, став полемым госпиталем.

М.Г. Стерлигова. 1943 г.

Вместе с госпиталем переезжали и дети сотрудников. Они всем, чем могли, помогали взрослым. Умывали раненых, под их диктовку писали письма их родным и близким, читали для раненых газеты, подготавливали перевязочный материал. Не хватало настоящих бинтов, и дети скатывали бинты для перевязок из разорванной на полосы марли. Дети подготавливали гипс, подогревая и просеивая его, затем накладывали на полосы марли и подавали готовый материал медсестрам, накладывающим гипс на раны. Об этом написано в книге воспоминаний начальника госпиталя В.С. Абельдяева. С большим трудом дети поднимали большие чайники с кипятком, чтобы налить чай каждому раненому.

Дети организовывали самодеятельность, исполняя песни, частушки и даже умудрялись исполнять танцы на крохотных пятках. И как же они радовались, когда на измученных болью лицах бойцов появлялась теплая улыбка и радость в глазах! Ведь в этих детях они видели своих, оставленных дома детей! Каждый из них старался по достоинству вознаградить «артистов», извлекая откуда-то кусочек сахара или чудом сохранившуюся конфету. Но главной наградой для детей были радость и тепло в их глазах!

Из воспоминаний Н.Г. Власовой: «Очень трудно было привыкнуть к виду крови, тяж-

ко было видеть страдания раненых... Помню, когда привезли прямо из боя под Ленинградом несколько раненых, то их вынуждены были разместить прямо на земле (благо это было лето 1943 года) у барака, где делали операции. И когда утром я увидела столько окровавленных тел в грязных шинелях, все поплыло у меня перед глазами, и я на мгновения потеряла сознание. Мне показалось, что вся земля усеяна изуродованными телами бойцов. И эта страшная картина преследует меня в снах всю жизнь. А еще страшней вспоминать тех истощенных до неузнаваемости детей и взрослых, которых удавалось вывезти из осажденного Ленинграда. Некоторых не удавалось спасти. Дети казались сморщенными старичками, на костях которых просто натянута пергаментная кожа. Страшно вспоминать об этом. Время выжгло огнем в наших сердцах рубцы нестираемой памяти о тех тяжелых годах. Когда была прорвана блокада Ленинграда, госпиталь двинулся за фронтом дальше. К этому времени был освобожден Старый Оскол. И мы с сестрой и с родной тетей Л.Г. Травкиной, санитаркой госпиталя, вернулись в освобожденный Старый Оскол».

Рядом с Ниной Георгиевной трудился в госпитале и Генрих Трофимов, сын старшей медицинской сестры госпиталя Софьи Васильевны Трофимовой.

С.В. Трофимова и Г. Трофимов. 1943 г.

Уже спустя годы, он подарил Нине Георгиевне свою фотографию, на обратной стороне которой была надпись: «В память о нашем несчастливом, но очень интересном детстве».

Н.Г. Власова. 1964 г.

Работали в госпитале брат и сестра Люба и Леня Карамышевы, Эдик Шевелев, Лилия Дмитриева и другие.

После войны Нина Георгиевна Власова с золотой медалью окончила железнодорожную школу № 15 и поступила в Ленинградский кораблестроительный институт, после окончания которого по распределению уехала работать в Клайпеду. Ее сестра Людмила стала инженером-текстильщиком.

А Генрих Трофимов окончил Ленинградское военно-морское училище и служил капитаном II ранга на Тихоокеанском флоте.

За долгих четыре года Великой Отечественной войны дети, от малышей до старших школьников, сполна испытали все ее ужасы. А ведь война в сотни раз страшнее, если видеть ее детскими глазами. И никакое время не сможет вылечить раны от войны, тем более детские.

Во время Второй мировой войны в мире погибли около 13 миллионов детей. Судьбы детей военного времени похожи. Война стала общей биографией детей той поры.

Л.Н. Пивоварова

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ СТАРООСКОЛЬСКОГО ЭВАКУАЦИОННОГО ГОСПИТАЛЯ № 1926

*(из воспоминаний медицинского
персонала и жителей Бокситогорска)*

Для советской военной медицины, как и для всей армии, первые месяцы войны были проникнуты трагедией и горькими разочарованиями. Это было время лишений и крупных безвозвратных потерь. Здесь сыграли свою роль значительные ошибки, допущенные в предвоенный период в организации медицинского обеспечения войск. Основные склады материально-технического имущества, а также мобилизационные запасы медицинской службы размещались в районах, которые подверглись нападению противника в первые часы наступления. Только Западный фронт в июне 1941 года лишился 32 хирургических и 12 инфекционных госпиталей, 13 эвакоприемников, 7 управлений госпитальных баз армий, эвакогоспиталей на 17 тысяч коек и 35 других различных санитарных частей и учреждений. Как следствие, медицинская служба страны не только лишилась кадровой и материальной базы, но и потеряла источники пополнения.

Третьего июля 1941 года Председатель Государственного комитета обороны И.В. Сталин обратился к советскому народу с речью, в которой говорил, что «...мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспорта с войсками и военными грузами, организовать широкую помощь раненым».

В этих условиях потери значительной части лечебных учреждений, а также бы-

строго продвижения противника лечебные койки стали развертываться в тыловых районах страны, куда уже к декабрю 1941 г. было перемещено 35 тыс. единиц госпитального коечного фонда, которыми располагало военное и гражданское здравоохранение.

Всего за годы войны шинели надели более 700 000 медработников, причем половина из них – женщины. Благодаря самоотверженности врачей и медсестер свыше 70% раненых смогли вернуться в строй. Можно сказать, что в госпиталях заново создавали нашу армию. Медработники благодаря применению своих оригинальных оперативных методик, ставших уже в годы войны научными открытиями, возвращали к жизни даже безнадежных больных, проводя сложнейшие операции. Многие из них удостоились звания Героя Советского Союза, есть полные кавалеры орденов Славы.

Спасая жизни воинам Красной армии, военные медики часто подвергали опасности свои. Массовый героизм был повсеместно отмечен при выносе раненых с поля боя. Более 85 тысяч медработников пропали без вести и отдали свою жизнь на фронтах войны. Потери среди военных медиков находятся на втором месте после потерь стрелковых подразделений.

В течение всей войны все большее значение в возвращении в строй военнослужащих стали играть тыловые эвакогоспитали, куда направлялись тяжелые раненые и больные, требовавшие более длительных сроков лечения.

С первых дней Великой Отечественной войны трудился медицинский персонал в составе эвакуационного госпиталя № 1926, который дислоцировался в г. Старом Осколе. Начальником госпиталя являлся Василий Семенович Абельдяев – военный врач III ранга. Были открыты при госпитале первое и второе отделение на 150 коек для раненых. По профилю эти два отделения были предназначены для раненых в суставы верхних и нижних конечностей, в бедро и таз с повреждением костей и при ранении в другие части тела. На должность начальника первого хирургического отделения с одновременным исполнением обязанностей ведущего хирурга госпиталя была назначена супруга Василия Семеновича – Алек-

сандра Григорьевна Абельдяева, в звании военного врача III ранга. Во время мобилизации она заведовала хирургическим отделением Старооскольской центральной районной больницы и на момент призыва имела более тринадцати лет общего врачебного стажа.

На должность начальника второго отделения назначена врач-хирург Старооскольской поликлиники Вера Николаевна Мамехова. Для замещения должности ординаторов мобилизованы врачи-гинекологи Мария Георгиевна Стерликова, Клавдия Власьевна Псарева, Наталья Семеновна Ананьева и Зинаида Ивановна Провоторова. При отделениях трудились старшие операционные сестры Е.В. Сабынина, Ю.П. Фащук и старшая медсестра В.Д. Царик.

В Старом Осколе и на некоторых других этапах дислокации госпиталь находился в двойном подчинении: Наркомздраву и Наркомату обороны. Подчиненность Наркомздраву осуществлялось Курским облздравотделом, который оборудовал и содержал госпиталь. Оперативное руководство лечебно-эвакуационной работой осуществлял местный эвакуационный пункт № 13 в Курске, находившийся в подчинении военно-санитарного управления Орловского военного округа.

Госпиталь №1926 дислоцировался на базе Старооскольского геологоразведочного техникума, железнодорожной школы и еще нескольких зданий. Его формирование началось еще в 1939 году, поэтому он начал работать фактически на следующий день после начала войны. На помощь работникам госпиталя пришли не только все предприятия Старого Оскола, но и жители нашего города, они по своей инициативе несли в госпиталь все, что имели. В очень сжатые сроки аудитории техникума переделывались в больничные палаты, операционные укомплектовывались инвентарем. Уже в первых числах июля 1941 года госпиталь был готов к приему раненых.

Во многих городах нашей страны за время войны побывал Старооскольский госпиталь: в городе Верхняя Тавда Свердловской области, в Вологде, Пскове, Новгороде, в Бокситогорске, где недалеко проходил Волховский фронт, в латвийском городе Валка.

Вспоминает военврач К.В. Псарева: «В январе 1942 года мы уже оперировали ра-

неных в Вологде. Это было страшное время. В наш госпиталь поступали защитники блокадного Ленинграда. Это были живые скелеты с глубоко запавшими глазами, с взглядом, молящим о помощи. Сотнями их переправляли через Ладожское озеро и направляли к нам. Спали мы тогда по два-три часа в сутки. Отдыхом назвать это было трудно. Мы лежали вповалку по несколько человек на одной кровати, не раздеваясь. А потом снова в госпиталь – работать до изнеможения. Бывало, врачи падали от усталости прямо у операционного стола. Этот кошмар продолжался долгие шесть месяцев».

Поступление раненых и больных в эвакуационный госпиталь за годы войны было неравномерным и зависело не только от оперативно-стратегической обстановки, но и медицинской, в том числе от наличия свободных коек (в первую очередь специализированных), обеспеченности кадрами и имуществом, прогнозируемых сроков лечения раненых и больных. Большую помощь по уходу за ранеными оказывали местные жители.

Главный врач госпиталя В.С. Абельдяев в своих воспоминаниях писал: «В середине июля 1942 года погрузившись в военно-санитарный поезд, мы выехали из Вологды, а уже утром следующего дня, 16 июля 1942 года, прибыли в Бокситогорск, где и находились до февраля 1944 года. Под госпиталь были отведены три двухэтажных дома и девять одноэтажных бараков. После эвакуации Тихвинского глиноземного завода на Урал медицинские службы госпиталя разместили в здании заводоуправления.

В напряженном ритме работы госпиталя для его обслуживающего персонала ценной была помощь жителей Бокситогорска, даже детей. Мальчишки и девчонки, в их числе Гена Трофимов, девятилетний сын медсестры С.В. Трофимовой, Эдик Шевелев, Леня Карамышев, Лиля Дмитриева, помогали раненым умываться, кормили их, разливали чай. От имени больных дети писали письма их родным, устраивали громкие читки газет, накатывали гипсовые бинты, готовили перевязочный материал. Уставшие, они находили силы устраивать импровизированные концерты в отделениях. Кто-то из жителей Боксито-

горска подарил госпиталю патефон и несколько пластинок.

Рабочие и медперсонал госпиталя не знали выходных, но рабочих рук постоянно не хватало. В поселке тогда не было ни электроосвещения, ни отопления, действовал лишь водопровод. Вскоре проблема с отоплением была решена благодаря находчивости начальника квартирно-эксплуатационного отдела Авдеева М.Г. и золотым рукам слесаря-сантехника Королева А.Я. Электроосвещение госпиталь получил лишь за несколько дней до нового, 1943, года».

В этом госпитале работала санитаркой и местная жительница Ольга Матвеевна Тимофеева (Странникова). Вот что она вспоминает об этом времени: «Я работала в эвакугоспитале № 1926 с 1942 года и почти до конца войны. Работали по сменам, по двенадцать часов: с восьми утра – до восьми вечера и с восьми вечера – до восьми утра. В каждой палате был список раненых. Войдя в палату на дежурство, нужно было его проверить, все ли на месте, а затем пересчитать все постельные принадлежности и белье. Перед обходом врачей нужно было перестелить кровати всех раненых. Делали все это очень быстро. Состояние раненых было разной тяжести: многие были с гипсами-кокситами, загипсованными на обе руки до груди, ранения были тяжелейшие. Надо было иметь большое терпение и выдержку, чтобы успокоить больного, облегчить его страдания. Медицинские сестры и санитарки все делали сами: мыли раненых, кормили, писали письма, читали газеты и журналы, сводки с фронта. Для тяжелораненых ходили искать молоко. Некоторые в госпитале от серьезных ранений умирали. В чью смену умирал раненый, тому и надо было отнести тело в морг. Заработную плату за работу не получали, госпиталь только обеспечивал нас питанием, хотя обедали не в столовой, а почти на ходу. Выходных дней не было. Люди трудились самоотверженно, не зная отдыха. Было очень тяжело».

В госпитале активно работала партийная и комсомольская организации. Была организована художественная самодеятельность для выступления перед ранеными. Кроме своей основной работы, комсомольцы помогали и в прачечной, и в приемно-сортировочном отделении при поступлении

и эвакуации раненых, при организации подготовки помещения для приема больных.

Вспоминает Румянцева (Захарова) Лидия Александровна: «Когда началась Великая Отечественная война, я училась в нашей замечательной школе №1 в седьмом классе. И именно тогда нам пришлось пережить печальное известие о том, что вместо школы будет госпиталь для раненых. Будучи такими маленькими, мы узнали, что такое война и раненые солдаты. Мы должны были перенести парты из школы в барак на Песочной улице. Пять или шесть человек брали одну парту и несли ее в барак. Путь был неблизким. Когда мы очень сильно уставали, мы ложились на землю и на парту, чтобы отдохнуть. Вот так мы перешли в барак. Мы не очень понимали суть страшной обстановки. Нас отправили в нашу бывшую школу к раненым. Мы пели им песни, чтобы хоть как-нибудь их развеселить».

После сдачи дежурной смены персонал госпиталя учился. Были открыты краткосрочные курсы, где обучали обращению с противогазом, стрельбе, преодолению препятствий ползком. Были также организованы курсы по уходу за ранеными (как перестелить и переодеть больного, как кормить тех, кто не передвигается, как перевести больного с гипсом и т.д.). Многих раненых удалось спасти. Но, к большому сожалению, несмотря на героический труд медицинских работников госпиталей и их добровольных помощников, не все остались живы. Полторы тысячи солдат, умерших от ран, остались в Бокситогорске, на братском кладбище.

Медицинскому персоналу госпиталя к тому же приходилось лечить не только тела, но и израненные войной души. К.В. Псарева в своем интервью рассказала и о первой боевой награде: «...Орден Красной Звезды я получила в 1944 году, когда за моими плечами было больше тысячи сложнейших хирургических операций. Я уж не говорю об обработке ран и перевязках. Помню, как успокаивала одного молоденького солдатика-казаха, у которого не было обеих ног. Он просто жить не хотел, отказывался от пищи, перевязок. Я ему говорила, что сделают тебе хорошие протезы, пойдешь учиться в институт, будешь еще

и на танцы ходить. Он отвернется лицом к стене и молчит. Ничего, ожил скоро. Мне хотелось помочь ему изо всех сил».

Сотни и тысячи больных госпиталя № 1926 были спасены людьми в белых халатах. Только ведущим хирургом этого госпиталя майором медицинской службы А.Г. Абельдяевой в военную пору было сделано 2772 операции. «За годы войны через наш госпиталь прошли более тридцати тысяч раненых бойцов и командиров, и почти все они были возвращены в строй», — об этом рассказала в своих воспоминаниях К.В. Псарева.

Эвакуационный госпиталь № 1926 закончил войну в Польше и был расформирован 1 ноября 1945 года. В ноябре 1945 года главный врач госпиталя В.С. Абельдяев добился разрешения на личную встречу делегации госпиталя № 1926 с командующим II-м Белорусским фронтом, маршалом Советского Союза Константином Рокоссовским. Маршал принял делегацию из шести человек и очень внимательно выслушал. Врачи госпиталя обратились с просьбой разрешить сформировать на территории Германии из трофейного имущества больницы на 200 коек и отправить ее в Старый Оскол. Командующий без раздумий разрешил это сделать. 19 ноября 1945 года имущество доставили в Старый Оскол в девяти вагонах и передали органам местного здравоохранения. На базе этого оборудования Старооскольский туберкулезный диспансер работал до конца 1960-х годов.

В Старооскольском краеведческом музее по инициативе ветеранов Великой Отечественной войны в 2003 году был открыт Зал боевой славы. Одна из экспозиций музея посвящена госпиталям, дислоцированным в годы войны в Старом Осколе. Здесь представлено госпитальное оборудование: буржуйка, медицинские инструменты, фронтовые фотографии, белый операционный халат. На переднем плане — форма капитана медицинской службы, которую передала музею Клавдия Власьевна Псарева. На стене висит карта, на которой обозначен боевой путь госпиталя № 1926. Карту на ткани вышила старшая медсестра госпиталя Софья Васильевна Трофимова.

Война явилась серьезным испытанием для медицинских работников нашей страны, которые не только перенесли горечь утраты родных и близких, претерпели лишения и трудности военного времени, но и прошли все тяготы и невзгоды фронтовой жизни. В послевоенный период прославленный советский полководец Иван Христофорович Баграмян при посещении Военно-медицинского музея следующим образом охарактеризовал роль советской военной медицины в годы Великой Отечественной войны: «То, что сделано советской военной медициной в годы минувшей войны, по всей справедливости может быть названо подвигом. Для нас, ветеранов Великой Отечественной войны, образ военного медика останется олицетворением высокого гуманизма, мужества и самоотверженности».

ЮБИЛЯРЫ

АНАТОЛИЮ ПАВЛОВИЧУ НИКУЛОВУ – 70 ЛЕТ

Никулов Анатолий Павлович – авторитетный эксперт по истории Оскольского края, кандидат исторических наук, член Исследовательской лаборатории проблем культуры Оскольского края при кафедре гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиала) НИТУ «МИСиС». Он посвятил почти всю свою жизнь благородному делу изучения исторического прошлого нашего края.

Анатолий Павлович Никулов родился 27 июня 1947 года в городе Урюпинске Волгоградской области. Его отец, Павел Иванович Никулов, уроженец с. Средняя Ахтуба Волгоградской области, а мать – Анастасия Исаевна Насонова, уроженка с. Верхние Апочки Курской области. Род Насоновых известен на Староосколье с 70-х годов XVII века. В начале 50-х годов XX века их семья переезжает в Старый Оскол. Здесь Анатолий Павлович окончил среднюю школу, а затем, в 1976 году, – исторический факультет Воронежского государственного университета. Работал учителем истории и обществоведения, был директором школы и инспектором городского отдела народного образования. Заслуги юбиляра на ниве народного образования не остались незамеченными: Анатолий Павлович был награжден знаком «Почетный работник общего образования Российской Федерации».

Многие годы Анатолий Павлович являлся научным сотрудником Старооскольского краеведческого музея.

В 70-е годы XX века Анатолий Павлович начал заниматься историей Староосколья, работал практически во всех основных государственных архивах и крупнейших библиотеках страны. Первая книга А.П. Никулова «Старый Оскол (исторический очерк)» вышла в свет в 1992 году. Событием в культурной жизни региона явилось издание в 1997 году его фундаментального труда «Оскольский край».

В 2003 г. Анатолий Павлович Никулов был приглашен преподавателем истории Отечества на кафедру гуманитарных наук Старооскольского технологического института (филиала) НИТУ «МИСиС». В июле 2006 г. Анатолий Павлович блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Население Старооскольского уезда в XVII – начале XVIII веков» по специальности «Отечественная история» в диссертационном совете Курского государственного университета. Диссертационное исследование подытожило почти сорокалетний труд соискателя. Члены диссертационного совета особо отметили уникальность и сложность темы исследования, а также такой впечатляющий факт, что диссертант имеет научные труды общим объемом свыше 105 печатных листов, что характерно для соискателей докторских диссертаций.

Анатолий Павлович является автором монографий «Оскольские древности (архивные материалы XVII в.)» в четырех частях: первые две части «Оскольская дозорная книга 1615 г. (текст и комментарии)» и «Писцовая книга 1643 г. (текст и комментарии)» были изданы в издательстве «ТНТ» в 2004 году, а следующие две части – «Переписная книга 1646 года» и «Писцовые книги 1686 и 1691 годов» с основательными комментариями автора вышли летом 2017 года. Уникальные документальные материалы и комментарии к ним – это первая и до настоящего времени единственная работа такого плана по транслитерации скорописи XVII века в нашем регионе. Труды А.П. Никулова объемом около 200 авторских листов – это выдающееся научное достижение. Лучшие работы Анатолия Павловича Никулова являются образцом объективности, скрупулезности и обоснованности исторических исследований. Он признан ведущим экспертом в области истории Оскольского края, пользуется заслуженным уважением научного сообщества региона.

Анатолий Павлович Никулов посвятил всю свою жизнь краеведению и развитию исторического образования в Старом Осколе. Благодаря его высочайшему профессионализму, прекрасным человеческим качествам, подвижническому образу жизни несколько поколений старооскольцев переняли от Анатолия Павловича важнейшие ценности гуманизма, патриотизма, научной добросовестности, открытости и доброжелательности. Он на редкость галантный и мудрый мужчина.

Коллектив кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС» и редколлегия альманаха «Оскольский край» выражают глубочайшую признательность Анатолию Павловичу Никулову за его многолетний подвижнический труд ученого-краеведа и желают юбиляру здоровья, долгих и счастливых лет жизни. Новых научных свершений Вам, дорогой Анатолий Павлович!

Редколлегия

МАРИИ ИВАНОВНЕ ЕМЕЛЬЯНОВОЙ – 80 ЛЕТ

Мария Ивановна Емельянова – кандидат исторических наук, краевед, член Исследовательской лаборатории проблем культуры Оскольского края при кафедре гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиала) НИТУ «МИСиС». Родилась в селе Незнамово Старооскольского района Белгородской области. Окончила филологический факультет Белгородского государственного института. В 2007 году М.И. Емельянова блестяще защитила кандидатскую диссертацию по теме «Эволюция русской народной одежды Оскольского края (2-ая половина XIX – начало XX века)».

Многолетняя научно-педагогическая деятельность М.И. Емельяновой связана с народным искусством и народной культурой. Она работала учителем, завучем в интернате, инструктором горкома партии, директором кооперативного техникума, а последние 30 лет была преподавателем и методистом по краеведению в Старооскольском педагогическом колледже.

Более полувека Мария Ивановна Емельянова занимается собиранием и изучением традиционной культуры Оскольского края и Белгородчины. Ее уникальная коллекция предметов народной культуры региона стала основой фонда этнографического «Русского музея» Старооскольского педагогического колледжа, соз-

данного по ее инициативе в 1985 году. Мария Ивановна Емельянова – неутомимый энтузиаст, человек с широким кругозором, глубокими познаниями в этнографии, фольклоре, истории русского народного быта – на протяжении всех 30 лет являлась его бессменным руководителем. За многие годы были осуществлены сотни этнографических и фольклорных экспедиций, во время которых были собраны многочисленные предметы домашнего хозяйства и быта русского населения края, народных кустарных ремесел Староосколья, декоративно-прикладного искусства, современной живописи (более 3000 единиц хранения). В «Русском музее» все экспонаты подлинные, многие из них являются настоящими раритетами. М.И. Емельянова со своими учениками сделала уникальные аудио- и видеозаписи аутентичного Старооскольского и Белгородского фольклора. За годы своего существования «Русский музей» быстро завоевал популярность не только в Старом Осколе, но и в регионе. В апреле 1992 года за большую поисково-краеведческую работу Министерство культуры Российской Федерации присвоило музею почетное звание «Народный».

М.И. Емельянова – автор многих публикаций по традиционной культуре Староосколья в научных журналах, сборниках научно-практических конференций. М.И. Емельяновой (в соавторстве с Т.П. Беликовой) написано и издано учебное пособие «Живые родники Староосколья: народная традиционная культура». Она является одним из авторов книжной серии «Библиотека белгородской семьи» (Т. 2) и сборника статей по истории педагогического образования в Старом Осколе «Alma Mater Старого Оскола». Широкую известность получили книги «Эволюция русской народной одежды Оскольского края» (монография), «Русская традиционная культура Староосколья» (энциклопедия), «Воспитание духовно развитой личности» (методическое пособие).

М.И. Емельянова принимает активное участие в городских научно-практических конференциях, круглых столах, встречается с учащейся молодежью города. Она полна жизненной энергией и творческими замыслами.

От всей души поздравляем Марию Ивановну Емельянову с юбилеем и желаем ей здоровья, творческих успехов и новых достижений в прекрасном деле – изучения, сохранения и возрождения традиционной культуры Оскольского края.

Редколлегия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрусенко Елена Алексеевна, замдиректора по научной работе, МКУК «Старооскольский краеведческий музей».

Богатов Егор Михайлович, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Высшая математика» Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиала) НИТУ «МИСиС».

Гончарова Анастасия Николаевна, магистр Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиала) НИТУ «МИСиС».

Емельянова Мария Ивановна, кандидат исторических наук, краевед.

Есипова Ирина Хасановна, зав. экспозиционным отделом МКУК «Старооскольский краеведческий музей».

Мухина Зинара Зиевна, доктор исторических наук, профессор, завкафедрой гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиала) НИТУ «МИСиС».

Никулов Анатолий Павлович, кандидат исторических наук, краевед.

Пивоварова Лидия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиала) НИТУ «МИСиС».

Пушкаренко Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиала) НИТУ «МИСиС».

Рубежанская Алена Александрона, методист по научно-просветительской деятельности МКУК «Старооскольский краеведческий музей».

Чуриков Владимир Григорьевич, краевед.

Юдин Владимир Васильевич, краевед, управляющий по закупкам, МУП «Расчетно-аналитический центр» Старооскольского городского округа.

Брыжик Татьяна Григорьевна, краевед.

Евсюков Евгений Николаевич, журналист, краевед.

ПРАВИЛА ПРИЕМА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНОМ АЛЬМАНАХЕ «ОСКОЛЬСКИЙ КРАЙ»

Уважаемые коллеги!

Предлагаем всем заинтересованным лицам направлять свои материалы в редколлегию для публикации.

Рукописи сдаются в одном экземпляре (печатный и электронную версию) заместителю ответственного редактора С.В. Канныкину лично. Телефон: (0725) 45-12-11.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редколлегия оставляет за собой право редактирования и отбора материалов в печать.

Материал для публикации предоставляется на стандартных листах белой бумаги формата А-4 (размер 21х30 см).

Текст печатается через 1,5 (компьютерных) интервала (28-30 строк на листе), шрифт Times New Roman – 12.

Левое, правое, верхнее и нижнее поля – 2,5 см.

Длина строки – 60-64 знака, включая пробелы.

Библиографические ссылки обязательны и даются в конце статьи.

Печатные экземпляры подписываются автором в конце текста статьи, после библиографических ссылок с указанием даты. На последней странице статьи указываются фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, домашний и служебный адреса, контактные телефоны.

Редколлегия

Научное издание

ОСКОЛЬСКИЙ КРАЙ

Выпуск 7

Ответственный редактор З.З. Мухина
Редактор С.В. Канныкин

Корректор С.В. Канныкин
Компьютерная верстка И.В. Юрова
Рисунок на обложке Анастасии Ряполовой

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Объем – 8,37 усл. п. л.
Гарнитура School. Тираж 200 экз. Подписано в печать 08.11.17.
Заказ № 219

Издательство РОСА

Российское Общество Современных Авторы
e-mail: 885533@mail.ru <http://art-rosa.ru/>

Электронная версия